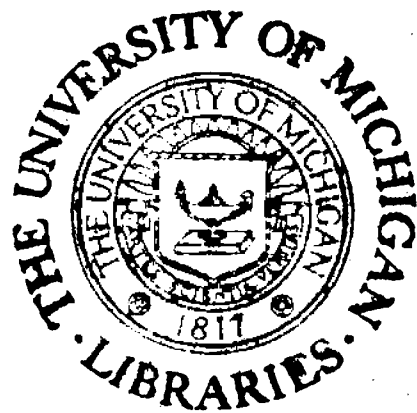

A 3 9015 00365 758 5
University of Michigan - BUHR

*Глоссы, 1918.
Грант. Л. Рохан*

Арміанскага муза

АРМЯНСКАЯ МУЗА

Сборникъ, изданный подъ редакціей

Юрія Веселовскаго и проф. Г. А. Халатьянца

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЮ СТАТЬЕЮ

„НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НОВОЙ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗІИ“

МОСКВА—1907.

PK
8831
.R3
A73

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовск. ул., с. д.
МОСКВА—1906.

1382739-172

РАФ. ПАТКАНЬЯНЪ — ШАХЪ - АЗИЗЪ —
ДОДОХЬЯНЪ — ОВАННИСЬЯНЪ — МАНУ-
ЭЛЬЯНЪ — ЦАТУРИАНЪ — ЛЕРЕНЦЪ — ОВ.
ТУМАНЬЯНЪ — ИСААКЬЯНЪ — АЛИШАНЪ —
ГЕКИМЬЯНЪ — ХОРЕНЪ НАРЪ-БЕЙ — БЕ-
ШИКТАШЛЯНЪ — ТУРИАНЪ — АРШ. ЧОБЯ-
НЬЯНЪ — МЯЛЕЗЬЯНЪ — Г-ЖА СИБИЛЬ.

ПЕРЕВОДЫ К. БАЛЬМОНТА, И. БУНИ-
НА, И. БЪЛОУСОВА, Ю. ВЕСЕЛОВСКАГО,
С. ГОЛОВАЧЕВСКАГО, И. ГРИНЕВСКОЙ,
„ИВАНЪ-ДЪ-МАРЬИ“, Н. НОВИЧА, Д. ПЯ-
ГИРЕВА, Л. УМАНЦА, О. ЧЮМИНОЙ,
В. ШУФА, ЭЛЛИСА.

1

Нѣсколько словъ о новой армянской поэзіи

Армянская поэзія XIX вѣка, какъ и вообще вся новая армянская литература, раздѣляется на двѣ главныя вѣтви: на *восточную*, къ которой принадлежатъ поэты, выставленные русскими армянами, культурнымъ центромъ которыхъ былъ Тифлисъ, отчасти Москва и Петербургъ, и *западную*, представленную поэтами, уроженцами Турецкой Арменіи и вообще—Малой Азии, жившими и дѣйствовавшими въ Константинополѣ, Смирнѣ и др. городахъ, въ новѣйшее время—въ крупныхъ европейскихъ центрахъ, вродѣ Парижа. У каждой изъ этихъ двухъ вѣтвей есть свои отличительныя особенности; такъ, напр., турецко-армянскіе поэты всегда придавали особенное значеніе заботѣ о красотѣ и изяществѣ формы, иногда даже въ ущербъ внутреннему содержанію стихотвореній; поэты, выставленные русскими армянами, наоборотъ, отводили въ своемъ творествѣ видное мѣсто идейному и тенденціозному элементу, подчасъ не обращая особеннаго вниманія на тщательную отдѣлку слога. Первые были, по большей

части, почитателями французской поэзии и въ разное время подражали Гюго, Ламартину, Мюссэ, Коппэ, Верлэну, Бодлэру, Роденбаху и др. поэтамъ; вторые были многимъ обязаны воздѣйствию русской поэзии, лучшихъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Огарева, Надсона, изъ иностранныхъ авторовъ увлекались Байрономъ, Шиллеромъ, Гейне, а также и нѣкоторыми французскими поэтами, съ идейною окраскою творчества, вродѣ Гюго или Беранже. Если закавказскіе поэты до послѣдняго времени лишены были возможности правдиво и ярко отражать въ своемъ творествѣ участь армянскаго народа въ предѣлахъ Россіи, то страданія турецкихъ армянъ затрогивались ими гораздо смѣлѣе и полнѣе, чѣмъ константинопольскими поэтами, имѣвшими дѣло съ турецкою цензурою. Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что литературный армянскій языкъ и поэтическій слогъ въ предѣлахъ Россіи во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ турецко-армянской литературной рѣчи.

* * *

Обращаясь къ новой армянской поэзии, къ творчеству поэтовъ, дѣйствовавшихъ во второй половинѣ XIX вѣка и въ началѣ XX, мы коснемся сперва восточной ихъ группы, естественно болѣе близкой и интересной для русскаго читателя, хотя бы потому, что она развивалась подъ извѣстнымъ воздѣйствіемъ русской литературы, отражала подчасъ тѣ же идеалы и стремленія, которыя воодушевляли лучшихъ русскихъ

поэтовъ новѣйшаго времени. Вплоть до нашихъ дней поэтическое творчество, очень часто носившее тенденціозный, патриотическій и гражданскій характеръ, занимало очень видное мѣсто въ литературѣ російскихъ армянъ. Многіе литераторы, съ гораздо большимъ успѣхомъ выступавшіе въ качествѣ прозаиковъ, напр., романисты Абовьянъ (1806—1848), питомецъ дерптскаго университета, авторъ популярнаго, составившаго эпоху романа «Раны Арменіи», и Раффи (1832—1888), авторъ ряда боевыхъ, тенденціозныхъ романовъ и повѣстей, изображающихъ угнетеніе турецкихъ армянъ, или публицистъ - шестидесятникъ М. Налбандьянъ, сотрудникъ московскаго прогрессивнаго журнала «Сѣверное Сіяніе», впоследствии знакомый и почитатель Герцена и Бакунина,—пробовали свои силы, но уже съ меньшимъ успѣхомъ, и въ сферѣ поэтическаго творчества, вдохновляясь нѣмецкими романтиками, Беранже, Огаревымъ и др.

Наряду съ этимъ, у російскихъ армянъ было и нѣсколько даровитыхъ поэтовъ *по призванію*, оказавшихъ могущественное воздѣйствіе на окружающее общество. Таковъ былъ, напр., *Рафаэль Патканьянъ* (1836—1892), родившійся и проведшій значительную часть жизни въ Нахичевани на Дону, сынъ образованнаго священника Габріэла Патканьяна, редактировавшаго одно время журналъ «Араратъ», и двоюродный братъ петербургскаго профессора-ориенталиста К. П. Патканова, воспитанникъ дерптскаго и петербургскаго университетовъ, издавшій въ 1855 году вмѣстѣ съ двумя другими лицами первый

сборникъ стихотвореній и продолжавшій писать стихи почти вплоть до самой своей смерти. Среди стихотворныхъ произведеній Патканьяна найдутся юмористическія, любовныя, анакреонтическія, написанныя въ духѣ народнаго творчества и т. д., но наибольшій интересъ представляютъ патріотическія, проникнутыя національною идеей и обличительныя. Если въ 50—60-ыхъ годахъ Патканьянъ создалъ такія идейныя вещи, какъ «Слезы Аракса» (переведено на 4 языка), поэма «Смерть храбраго Вардана Мамиконьяна» (съ знаменитою пѣснью Вардана «*И теперь намъ молчать?*»), «Чужестранка и армянскій юноша», «Пѣсня матери Агаси» и др., то, начиная съ русско-турецкой войны 1877—78 г., пробудившей въ сердцахъ многихъ армянскихъ патріотовъ надежду на скорое избавленіе отчины отъ турецкаго гнета, онъ отразилъ въ длинномъ рядѣ горячихъ, воодушевленныхъ стихотвореній бѣдственную участь армянъ въ Турціи. Насколько эти стихотворенія потрясли и захватили читающую публику, видно изъ того, что отдѣльный сборникъ ихъ, такъ называемыя «Свободныя пѣсни», напечатанный (въ 1879 году) въ количествѣ 8.000 экземпляровъ, разошелся въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Приближаясь къ народной рѣчи, Патканьянъ передаетъ, иногда — устами самихъ жертвъ турецкаго произвола, забытыхъ, безгласныхъ ванцевъ или мушцевъ, ихъ горькія сѣтованія и мольбы о помощи («Ванская молитва», «Ванское *Отче нашъ*», «*Одна изъ тысячи*», «Старикъ-ванецъ» и др.). Нерѣдко онъ воз-

мущается покорностью и малодушіемъ тѣхъ, кто страдаетъ, не думая о сопротивленіи («Плачь мушцевъ») и выказываетъ сочувствіе смѣлымъ порывамъ и начинаніямъ, стремленію къ стойкой борьбѣ за свободу, вѣрѣ въ свой народъ и его призваніе («Пѣсня ванской матери», «Пѣсня ванскаго поселянина», «Новое поколѣніе мушцевъ», «Ванскій удалецъ» и др.). Въ иныхъ стихотвореніяхъ Патканьянъ выражаетъ свое негодованіе или скорбь при видѣ холоднаго, безучастнаго отношенія Европы, точнѣе: европейской дипломатіи, къ участи гонимыхъ армянъ («Армянская кровь», «Протестъ противъ Европы», «Новый годъ», «Вздохи турецкихъ армянъ» и т. д.); стихотворенія этой категоріи стали особенно часто выходить изъ-подъ пера Патканьяна, когда онъ убѣдился, что его надежды и мечты не сбылись, что война и послѣдовавшій за нею Берлинскій конгрессъ не принесли ничего существеннаго его несчастному, всѣму забытому народу, а только «переложили цѣпи, снятыя съ славянскихъ народовъ, на армянъ».

Подобно лучшимъ армянскимъ сатирикамъ и комическимъ писателямъ, чуждымъ національнаго самообожанія, поэтъ не падитъ тѣхъ соплеменниковъ, представителей буржуазіи, отчасти бюрократіи, которые ничего не дѣлаютъ для своихъ братьевъ, иногда прибѣгаютъ къ недостойнымъ компромиссамъ, чтобы жить припѣваючи и собирать себѣ капиталъ, становятся беззастѣнчивыми ренегатами, нерѣдко изображая изъ себя, однако, на словахъ — горячихъ патриотовъ и друзей народа

(«Армянинъ и армянская національность», «Желаніе армянъ», «Патріотъ», «Амира», «Адресъ султану отъ 36-ти эфенди-измѣнниковъ», «Армянское проклятіе» «Тѣмъ, кто меня не любитъ», и др. Въ общемъ, Патканьянъ—типичный поэтъ народной скорби и гнѣва, поэтъ-борецъ и обличитель, иногда, быть можетъ, нѣсколько односторонній и нетерпимый, но всегда искренній, убѣжденный, любящій свободу, способный вести за собою лучшую, наиболѣе отзывчивую часть общества.

Извѣстность другого выдающагося поэта, выставленнаго російскими армянами, *Смбата Шахъ-Азиза* (род. въ 1841 г.), уроженца села Аштаакъ, Эриванской губ., получившаго образованіе въ московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ, принимавшаго участіе въ «Сѣверномъ Сіаніи», бывшаго затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ весьма популярнымъ преподавателемъ армянскаго языка и словесности въ томъ же институтѣ и занимающагося вплоть до нашихъ дней публицистическою дѣятельностью (отдѣльныя книги и брошюры, написанныя прозою и посвященныя жгучимъ вопросамъ народной жизни),—основывается главнымъ образомъ на его поэмѣ «Скорбь Леона» (1864 г.). Эта поэма, съ одной стороны, является отраженіемъ «эпохи великихъ реформъ» и связаннаго съ нею оживленія и обновленія русскаго общества, съ другой—принадлежитъ къ самымъ позднимъ отголоскамъ поэзіи Байрона, — оказавшей сильное вліяніе на армянскаго писателя, особенно его «Чайльдъ-Гарольда», которымъ Шахъ-Азизъ зачитывался и восторгался,

наряду съ «Евгеніемъ Онѣгинимъ» и вообще творчествомъ Пушкина. Можно отмѣтить сходство и въ общемъ тонѣ и настроеніи («Скитанія и грустныя думы Леона») и въ отдѣльныхъ приемахъ и деталяхъ (вставныя рѣчи или пѣсни, вродѣ «Прощанія Леона со своей возлюбленной», частыя обращенія автора къ читателю, рѣзкіе переходы отъ шутки къ паѳосу и обличеніямъ; желаніе познакомить читателя съ любимыми авторами главнаго героя, оказавшими на него вліяніе и т. д.). Все это не мѣшаетъ, однако, армянской поэмѣ во многихъ отношеніяхъ быть вполне самобытнымъ произведеніемъ, тѣсно связаннымъ съ насущными вопросами національной жизни.

Герой поэмы, тонко чувствующій и увлекающійся юноша-идеалистъ Леонъ, уѣзжаетъ изъ Москвы, гдѣ онъ получилъ образованіе и извѣдалъ первую пламенную любовь, въ Закавказье и Турецкую Арменію, надѣясь трудиться и приносить пользу, но находитъ тамъ только сонъ, застой, эгоистическіе инстинкты, безпросвѣтный мракъ, страданія, развалины. Подъ вліяніемъ всего видѣннаго и испытаннаго имъ на родинѣ (въ Турецкой Арменіи онъ, сверхъ того, становится очевидцемъ турецкихъ и курдскихъ безчинствъ и звѣрствъ), Леонъ, и раньше склонный къ меланхоліи и тоскѣ, предается разочарованію, отчаянію, начинаетъ сомнѣваться въ будущности своего народа, обращается къ нему, особенно къ нѣкоторымъ его классамъ, съ укорами, обличеніями, сѣтованіями. Устами Леона, являющагося двойникомъ самого Шахъ-

Азиза, въ поэмѣ обличаются матеріалистическіе вкусы, алчность и индиферентизмъ купческаго класса, невѣжество и чисто мірскія наклонности духовенства, отсутствіе хорошихъ учителей и педагоговъ, господство пропитанныхъ схоластикомъ школъ, угнетеніе или уродливое воспитаніе женщинъ (*«Параллель между армянками V и XIX вѣка»*), оторванность литературы и науки отъ жизни. Въ то же время Леонъ высказывается въ пользу построеннаго на европейскихъ основахъ воспитанія, женской эмансипаціи, развитія новаго, для всѣхъ понятнаго литературнаго языка, живой, отзывчивой къ народнымъ нуждамъ словесности, выражаетъ сочувствіе тѣмъ, кто борется съ рутинною, отрѣшается отъ шовинизма и стремится къ свѣту. Въ четвертой пѣснѣ, въ сильной, потрясающей формѣ, изображено трагическое положеніе утратившихъ смѣлые порывы и способность къ борьбѣ турецкихъ армянъ, на которое поэтъ обратилъ особое вниманіе подъ вліяніемъ гарибальдйскаго движенія и возрожденія Италіи (увлеченіе Гарибальди отразилось и въ стихотвореніи *«Итальянки и итальянцы»*). Есть въ поэмѣ немало мѣстъ, замѣчательныхъ и въ чисто художественномъ отношеніи, красивыхъ и изящныхъ по формѣ.

Мелкія стихотворенія Шахъ-Азиза также написаны по большей части красивымъ, образнымъ языкомъ. Одни изъ нихъ носятъ чисто лирический характеръ, прославляютъ любовь съ необычною для армянской поэзіи того времени силою и увлекательностью или

отражаютъ воспоминанія поэта о родинѣ и горячо любимой матери, съ которою онъ долженъ былъ разстаться, уѣзжая надолго въ Москву («Грезы любви», «Гибель любви», «Таинственная ночь», «Первая любовь», «Повѣсть любви», «Слезы дѣвушки», «Сонъ», «Аштаракъ», «Послѣднее прости»). Другія принадлежатъ къ числу идейныхъ, тенденціозныхъ или философскихъ вещей, частью опять окрашенныхъ байроновскою скорбью (напр. «Мое сердце объято тоской»), нерѣдко содержащихъ въ себѣ протестъ противъ нетерпимости, фанатизма, невѣжества, порабощенія женщины, политическаго индиферентизма и въ значительной степени навѣянныхъ русскою литературою и публицистикою 50—60-ыхъ годовъ («Нелюбознательность», «Участь народа», «Иезуиты и Зейтунъ», «Несчастливая», «Поэтъ, матеріалистъ и гражданинъ», «Моя участь», «Да здравствуетъ святой трудъ» и др.). Наконецъ, третьи затрогиваютъ тяжелую долю армянъ въ Турціи и Персіи или содержатъ воспоминанія о славномъ прошломъ родины («Султанъ-притѣснитель», «Молитва плѣннаго армянина», «Ликуйте, я видѣлъ»..., «Пѣснь умирающаго патріота»,—начало которой навѣяно добролюбовскимъ «Милый другъ, я умираю»,—«Тигранъ II», «Долина скорби»). Въ новѣйшее время, послѣ значительнаго перерыва, Шахъ-Азизъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній, среди которыхъ найдутся такія идейныя вещи, какъ «Духъ-скиталецъ».

Изъ другихъ армянскихъ поэтовъ старшаго поколѣнія, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ Рос-

сіи, слѣдуетъ упомянуть *Георіа Додохьяна*, автора весьма популярнаго стихотворенія «Ласточка», отражающаго одинъ изъ самыхъ распространенныхъ мотивовъ армянской поэзіи, какъ народной, такъ и искусственной,—тоску по родинѣ, положеннаго на музыку и давно перешедшаго въ народъ.

Въ концѣ 80-ыхъ и въ 90-ыхъ годахъ минувшаго вѣка выступило на сцену новое поколѣніе поэтовъ, къ которому принадлежатъ *Ованнесь Ованнисьянъ*, *Леонъ Мануэльянъ*, *Александръ Цатуріанъ*, *Лерениъ* (псевд.), *Ованнесь Туманьянъ*, *Аветисъ Исаакьянъ* и нѣк. др. Творчество нѣкоторыхъ изъ этихъ поэтовъ носитъ слѣды вліянія *Шахъ-Азиза* и *Патканьяна* (у перваго они заимствовали, однако, преимущественно внѣшніе приемы, особенности слога, нѣкоторые мотивы любовной лирики; какъ авторъ байронической поэмы, *Шахъ-Азизъ* не нашелъ послѣдователей и подражателей) и съ другой стороны—*Пушкина*, *Лермонтова*, *Некрасова*, *Надсона* и др. Видное мѣсто занимаетъ въ немъ элементъ гражданской скорби, чередующійся съ чисто лирическимъ, субъективнымъ. Всѣ молодые поэты отозвались, въ той или другой формѣ, на страданія турецкихъ армянъ, то оплакивая тяжелую участь послѣднихъ, то призывая къ возрожденію и борьбѣ (отмѣтимъ, въ видѣ образца, прочувствованнаго стихотворенія *Ованнисьяна* «*Умолкли навсегда времяя былыхъ народы*», «*Весна*», «*Смерть война*»). Довольно часто попадаютъ у нихъ стихотворенія, посвященныя прошлому Арменіи, передающія грустныя думы поэта, который блу-

ждаетъ среди обломковъ прошлаго величія, груститъ на развалинахъ древнихъ городовъ, посѣщаетъ тѣ мѣста, гдѣ происходили когда-то славныя, достопамятныя событія. Почти у всѣхъ найдутся патетическія обращенія, въ духѣ Надсона, къ мощному поэту-пророку, который долженъ сказать армянскому народу новое слово и вдохнуть въ него жизнь своими пѣснями (напр. «*Моуцїя пѣсни*» Цатуріана).

У каждаго поэта новаго поколѣнія всегда есть, конечно, и что-нибудь своеобразное, только ему одному свойственное; такъ, напр., Леренцъ, поэтъ-демократъ и мыслитель, иногда затрогиваетъ въ своемъ творествѣ философскіе вопросы, излагаетъ въ одномъ случаѣ, въ стихотворной формѣ, теорію Дарвина, рассматриваетъ положеніе турецкихъ армянъ, прежде всего,—съ экономической точки зрѣнія; въ стихотвореніяхъ Туманьяна («*Ахтамаръ*», «*Лампада Григорія Просвѣтителя*» и др.) нерѣдко отражаются хорошо ему знакомыя народныя преданія, легенды, повѣрья, обряды, пѣсни, описывается закавказская природа, причемъ слогъ поэта иногда очень близко подходитъ къ народной рѣчи; творчество Исаакьяна также носитъ подчасъ слѣды вліянія безыскусственнаго творчества, а въ другихъ случаяхъ получаетъ окраску въ духѣ западно-европейскихъ символистовъ и вообще—сторонниковъ новыхъ теченій въ сферѣ литературы и искусства («*Зима*», «*Туманъ распростеръ свои крылья*» и мн. др.).

* * *

Въ исторіи постепеннаго развитія поэзіи турецкихъ армянъ сыграла извѣстную роль вліявшая на нѣкоторыхъ константинопольскихъ поэтовъ литературно-научная и просвѣтительная община мхитаристовъ, основанная въ началѣ XVIII вѣка на островѣ св. Лазаря, въ преддверіи Венеціи, даровитымъ выходцемъ изъ Малой Азіи, Мхитаромъ Севастійскимъ. Нѣкоторые члены этой армяно-католической общины, содѣйствуя, согласно ея основнымъ задачамъ и уставу, своими трудами разработкѣ армянской исторіи, географіи, археологіи, исторіи литературы, усиленно занимаясь переводами западно-европейскихъ сочиненій по различнымъ отраслямъ знанія, въ то же время обогатили родную словесность многочисленными стихотворными произведениями, которыя не получили болѣе широкаго распространенія, главнымъ образомъ, потому, что почти всѣ они были написаны на древне-армянскомъ классическомъ языкѣ, мало понятномъ современнымъ читателямъ. Нѣкоторые поэты, выставленные мхитаристами, занимались преимущественно стихотворными переводами,—такъ, ими были переведены лучшія созданія античныхъ литературъ: «Иліада», «Одиссея», «Энеида» и т. д. Другіе выступили съ оригинальными стихотвореніями и поэмами; къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, скончавшійся въ 1901 году *Гевондъ Алишанъ*, наряду съ цѣнными трудами по армянской исторіи и археологіи написавшій болѣе 300 стихотворныхъ произведеній, носящихъ, преимущественно, гуманную, мягкую, часто—элегическую окраску, проникнутыхъ лю-

бовью къ людямъ и природѣ, религіознымъ чувствомъ, патриотическою скорбью, мѣстами красивыхъ по формѣ, хотя и не свободныхъ отъ вліянія «ложно-классическихъ» образцовъ. Любовь къ родинѣ и грустныя думы при видѣ ея безправнаго и униженнаго положенія—боевые мотивы у Алишана отсутствуютъ—отразились, между прочимъ, въ такихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ его, какъ «Армянскій край», «Армянскій геній», «Хразданъ», «Тебя, армянская страна, я оплакиваю», «Масисскія горы» (бесѣда между Большимъ и Малымъ Араратомъ о судьбѣ Арменіи), «*Аварайрскій соловей*» (прославляется смерть за родину національнаго героя Вардана Мамиконьяна, погибшаго на Аварайрскихъ поляхъ 2-го іюня 451 года, въ рѣшительномъ бою съ персами). Другой мхитаристъ, Арсенъ Багратуни, авторъ обширной поэмы «Гайкъ», хотѣлъ дать образецъ армянскаго національнаго эпоса, взявъ сюжетъ изъ миѳическаго періода армянской исторіи.

Членомъ общины былъ сначала и *Хоренъ Наръ-Бей* (Галфаянъ; 1831—1892), впоследствии выступившій изъ ордена и перешедшій на сторону армянской національной церкви, жившій въ Константинополѣ, дѣйствовавшій тамъ на общественномъ и политическомъ поприщѣ, писавшій стихотворенія и пьесы (одно изъ наиболѣе популярныхъ его стихотвореній—«*Первые ростки*»), лично знакомый съ Викторомъ Гюго и Ламартиномъ, переводчикъ «Гармоническихъ пѣсней» послѣдняго на армянскій языкъ. Конгрегація мхитаристовъ въ общемъ со-

дѣйствовала до извѣстной степени подготовленію истинно новой поэзіи турецкихъ армянъ, вполне современной по духу, красивой и выразительной по языку, повліявъ, въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, на нѣкоторыхъ константинопольскихъ поэтовъ послѣдующей эпохи (напр., на Гекимьяна и Бешикташляна). Она утратила въ этомъ отношеніи свое прежнее значеніе только съ той поры, когда во всѣхъ областяхъ армянской жизни выступили на первый планъ свѣтскіе дѣятели, одушевленные желаніемъ служить народу.

* * *

Изъ турецко-армянскихъ поэтовъ старшаго поколѣнія самыми выдающимися были Мкртичъ Бешикташлянъ и Петросъ Туріанъ (Дуріанъ). Ихъ блестящая, хотя и непродолжительная (особенно у Туріана) литературная дѣятельность неволью отодвинула на второй планъ и какъ бы затмила творчество и славу нѣкоторыхъ другихъ константинопольскихъ поэтовъ, въ своемъ родѣ также заслуживающихъ вниманія, напр., *Сер. Гекимьяна*, автора нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореній («*Красота*», «*Какъ волны грозныя*»), который пробовалъ свои силы и какъ драматургъ (любопытно, что онъ писалъ, между прочимъ, и трагедіи на итальянскомъ языкѣ) и оказалъ безспорное вліяніе на нѣкоторыхъ писателей его времени. *Мкртичъ Бешикташлянъ*, получившій подобно Гекимьяну образованіе въ обители мхитаристовъ и многимъ обязан-

ный вліянію Алишана, игравшій в послѣдствіи видную роль въ общественной и умственной жизни константинопольскихъ армянъ, участвовавшій въ различныхъ просвѣтительныхъ и патріотическихъ обществахъ, содѣйствовавшій развитію армянской сцены и самъ писавшій для нея, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и любовью своихъ согражданъ-армянъ и скончавшійся въ 1868 году, былъ искреннимъ, воодушевленнымъ лирикомъ, съ гуманными влеченіями, идеалистическимъ взглядомъ на жизнь, любовью къ родинѣ и неподдѣльнымъ поэтическимъ чувствомъ. Являясь въ извѣстныхъ отношеніяхъ послѣдователемъ иностранныхъ поэтовъ, вродѣ Мюссе и Гейне, онъ все же сумѣлъ сохранить свою индивидуальность и быть вполне субъективнымъ писателемъ. Его творчество по большей части носитъ мягкій, изящный характеръ, языкъ его очень красивъ и образенъ. Иныя его стихотворенія отражаютъ горячую, восторженную любовь, причемъ иногда отличаются задумчивымъ, грустнымъ колоритомъ, такъ какъ поэтъ часто говоритъ о разбитой или безнадежной любви, навсегда утраченномъ счастьѣ («*Вы не туда неситесь, птицы*», «*Къ ней*», «*Слезы дѣвушки*», «*Когда-бъ я сталъ, хотя на мигъ*», «*Къ Гоарикъ*», «*Прости мнѣ, дѣва...*» и др.). Бешикташлянъ нерѣдко воспѣваетъ въ своихъ стихахъ природу, особенно природу Арменіи, готовый вступать въ бесѣду, точно съ одушевленными существами, съ цвѣтами, звѣздами, журчащимъ ручьемъ.

Патріотизмъ, горячая любовь къ родинѣ и своимъ

приниженнымъ, обездоленнымъ братьямъ также играетъ большую роль въ его поэзіи, иногда получая болѣе воинственный, боевой характеръ (напр., въ стихотвореніи «*Зейтунскій армянинъ*» и вообще въ циклѣ пламенныхъ стихотвореній, вызванныхъ отчаянно-смѣлымъ возстаніемъ зейтунскихъ горцевъ-армянъ въ 1862 году), иногда выражаясь въ формѣ воспоминаній о прошломъ Арменіи («Армянскіе герои», «Походъ Арташеса I», «Пѣснь на смерть царя Хосрова Великаго» и др.), иногда, наконецъ, нося задушевную, трогательную, нѣжную окраску (популярное стихотвореніе «*Весна*», проникнутое тоской по родинѣ). Весьма характерны тѣ вещи, въ которыхъ Бешикташлянъ, всегда бывший проповѣдникомъ миролюбія и братства, стремившійся, напр., смягчить и облагородить призывомъ ко взаимному пониманію и довѣрію временно обострившіяся взаимныя отношенія армяно-григоріанъ и армяно-католиковъ, выражаетъ гуманныя, дышущія любовью къ людямъ мысли,—напр., пѣсня «*Мы—братья*», положенная на музыку и пользующаяся большою популярностью всюду, гдѣ живутъ армяне (двѣ строки изъ нея высѣчены на надгробномъ памятникѣ поэта).

Весьма коротка и не богата событіями была жизнь Петроса Туріана (1851 — 72), даровитаго юноши, родившагося въ семьѣ мастерового, съ ранняго дѣтства узнаващаго, что такое—нужда и лишенія, принужденнаго братья за самыя неподходящія, неинтересныя занятія, чтобы добыть какіе-нибудь гроши, часто сидѣвшаго зимою въ нетопленной комнатѣ, потому что

не на что было купить дровъ, тѣмъ не менѣе посвящавшаго всѣ досуги поэзіи, восхищавшагося Викторомъ Гюго, пробовавшаго писать и для театра, рано заболѣвшаго чахоткою и умершаго въ такую пору, когда другіе только начинаютъ свою литературную дѣятельность. Въ лицѣ Туріана армянская литература лишилась талантливаго, субъективнаго и самобытнаго поэта-пессимиста, изъ котораго могло еще многое выйти. Небольшой томикъ его стихотворныхъ произведеній заключаетъ въ себѣ нѣсколько патріотическихъ вещей, — «Горе армянина», «Мечта», «Пѣснь о Варданѣ», — а также немало стихотвореній, воспѣвающихъ любовь, которая наравнѣ съ смертію владѣла мыслями юнаго поэта и временно заставляла его иногда предаваться несбыточнымъ мечтамъ на краю могилы. Но всего характернѣе тѣ вещи, въ которыхъ отражается мрачное, безпросвѣтное міросозерцаніе Туріана, имѣющаго много общихъ чертъ съ Надсономъ: «*Моя скорбь*», «*Мученіе*», «*Говорятъ мнѣ*», «*Моя смерть*», «*Озеро*», «*Я не о томъ скорблю...*» Въ подобныхъ стихотвореніяхъ поэтъ говоритъ о своей близкой смерти, иногда высказываетъ пламенную жажду жизни, любви, счастья, иногда, наоборотъ, какъ будто примиряется съ грозящею ему участію, но задаетъ себѣ вопросъ, сохранится ли о немъ память въ народѣ, или никто не посѣтитъ его одинокую могилу, — и всегда мучится сознаніемъ, что *ему удалось слишкомъ мало сдѣлать для своей страны...*

Въ новѣйшее время заявила о себѣ новая плеяда турецко-армянскихъ поэтовъ, среди которыхъ есть не

мало весьма талантливыхъ людей. У нѣкоторыхъ изъ нихъ не трудно замѣтить слѣды вліянія Бешикташляна и Туріана, сказывающагося и во внѣшней формѣ, и въ отдѣльныхъ мотивахъ ихъ поэзіи. Наряду съ этимъ константинопольскіе поэты нашихъ дней многимъ обязаны воздѣйствию французской поэзіи новѣйшаго періода, положившей свой отпечатокъ на многія ихъ стихотворенія, явно написанныя въ духѣ западно-европейскаго символизма, которому они старались подражать, и нерѣдко весьма красивыя и своеобразныя по языку. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть имена *Аршака Чобаньяна*, *Хазикьяна* (переводчика Данта, Коппэ и др.), *Малезьяна*, *1-жи Сибиль*, *Вахрама Свачьяна* и др. Чобаньянъ, редакторъ парижскаго армянскаго журнала «Анахитъ», — около котораго группируются молодые турецко-армянскіе писатели, — эмигрировавшій за границу константинопольскій литераторъ, многое сдѣлавшій для сближенія соплеменниковъ съ западно-европейскою культурою и словесностью и, съ другой стороны, знакомившій французскую публику съ армянскою народною поэзіей, изящной литературой, новѣйшимъ фазисомъ армянскаго вопроса, въ то же время является авторомъ разнообразныхъ, красивыхъ и оригинальныхъ по формѣ стихотвореній (напр. «Сказка», «Небо скрылось въ туманъ отъ насъ»), причемъ инныя его вещи, вродѣ «Колыбельной пѣсни для нашей матери Армени», носятъ идейную, тенденціозную окраску.

Въ общемъ, армянская поэзія XIX вѣка, особенно ея восточная вѣтвь, является самымъ яркимъ отраженіемъ армянской народной души. На нее положили свой отпечатокъ тѣ безконечныя невзгоды и страданія, которыя въ разное время обрушивались на этотъ народъ, столь жестоко испытанный судьбою. Подобно тому, какъ мотивы армянскихъ народныхъ пѣсенъ проникнуты неподдѣльною, хватающею за душу скорбью и тоскою, которая является отголоскомъ многовѣковыхъ мукъ, искусственная армянская поэзія, развившаяся въ XIX столѣтіи, также носитъ въ значительной степени безотрадную, сумрачную окраску, подъ влияніемъ новѣйшаго фазиса трагической исторіи того многострадальнаго края, который ассирійцы, паряне, римляне, персы, арабы, византійскіе греки, монголы, турки, русскіе столько разъ завоевывали, опустошали, вырывали другъ у друга или дѣлили между собою. Когда же въ народѣ стали пробуждаться порывы къ новой жизни, къ свободѣ, единству и просвѣщенію, поэзія и въ этомъ случаѣ сыграла видную роль, воодушевляя тѣхъ, кто боролся, поддерживая и ободряя слабыхъ и колеблющихся, показывая въ туманной дали будущаго свѣтлый идеалъ, къ которому нужно было стремиться.

Наряду съ этимъ, хотя внѣшнія обстоятельства и не благопріятствовали развитію поэзіи, не связанной непосредственно съ участью народа, съ борьбою за новую жизнь, съ идеалами молодого поколѣнія, въ области армянской литературы явились и отдѣльные пред-

ставители чистой лирики, субъективного творчества, мечтательной, восторженной или затронутой мировой скорбью поэзии, которая иногда отличается красотой и прелестью формы или невольно подкупает нас своим искренним, задушевым колоритом. В интересах беспристрастия и желательной полноты общей картины, в настоящем сборнике представлены все главные оттенки и мотивы новой армянской поэзии, как чисто идейной, боевой, национальной, обличительной, так и чисто художественной, субъективной, полной настроения, иногда приближающейся к народному творчеству, иногда навеваемой западными образцами.

Пусть же эта книга, в которой приняли участие современные русские поэты, любезно отозвавшиеся на приглашение редакции, поможет нашей читающей публике ознакомиться с душой армянского народа, с его идеалами и запросами, заставит его отнестись с сочувствием к тому краю, который столько перенес и выстрадал на протяжении веков и в наши дни так часто обгащается кровью! Хорошо поняв и оценив друг друга, отбросив последние остатки взаимного недоверия и предубеждения, сознав, что все это искусственно поддерживалось и разжигалось и не имеет реального основания, представители двух народов, исторически связанных между собою, могут объединиться на почве общих идеалов и подать друг другу руки для совместной работы, для совместной борьбы.

Юрій Веселовскій.

Рафаэль Патканьянъ

Слезы Аракса

По берегамъ твоимъ заснувшимъ
Брожу, Араксъ, въ тоскѣ моей.
Я уношусь къ вѣкамъ минувшимъ,
Взываю къ тѣнямъ славныхъ дней!..

Но волны бурныя несутся,
Не внемля, пѣнясь и шумя;
О берегъ съ плачемъ горькимъ бьются
И мчатся въ дальніе края...

Повѣдай мнѣ, Араксъ могучій,
По комъ рыдаешь ты порой?
Зачѣмъ объять тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

И слезы горькія струятся,
Изъ гордыхъ падаютъ очей,
И волны къ морю вдаль стремятся
Отъ грустной родины моей?..

О, не мути же въ гнѣвѣ воды!
Забудь волненье и печаль!
О, вспомни вновь былые годы!..
Зачѣмъ спѣшишь ты къ морю вдаль?..

Пусть снова розы украшаютъ
Сады прибрежные твои,
А ночью пѣсней оглашаютъ
Заснувшій берегъ соловьи!

Пусть ивы свѣжестью отрадной,
Сгибаясь, дышатъ у воды—
И въ жаркій день въ струѣ прохладной
купаютъ нѣжные листы.

Пускай пастухъ съ свирѣлью бродитъ
По берегамъ твоимъ порой,
И стадо мирное приходитъ
Къ тебѣ въ жару на водопой!..

Араксъ запѣнилъ гнѣвно воды
И влагу бурей всколыхалъ,—
И въ шумѣ дикомъ непогоды
Я голосъ грозный услышалъ:

„Зачѣмъ съ желаньемъ безразсуднымъ
Пришелъ, безумецъ, ты ко мнѣ,—
Тревожить вновь видѣньемъ чуднымъ
Меня въ тяжеломъ полуснѣ?“

Въ тоскѣ по мужѣ, въ тяжкомъ горѣ,
Ужель вдову, средь грустныхъ слезъ,
Ты встрѣтишь въ праздничномъ уборѣ,
Какъ въ годы счастья, годы грезъ?

И мнѣ,—зачѣмъ мнѣ украшаться?
Красою чей мнѣ тѣшить взглядъ?
Мои сыны въ плѣну томятся,
Мои враги вездѣ царятъ!

Пускай пощады рабски просить
У соблазнителя Кура,
И цѣпи тяжкія выносить
Моя безпечная сестра:

Но подражать ей не хочу я,
Забуть армянъ я не могу!..
Пускай зачехну я, тоскуя,—
Но не поддамся я врагу!..

А были дни,—въ краю свободномъ
Я въ чудномъ блескѣ протекалъ,
И къ морю вдаль въ просторѣ водномъ
Спокойно шелъ за валомъ валъ.

Въ тѣ дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи..
А утромъ раннимъ отражался
Въ нихъ отблескъ пламенной зари.

Но что же случилось съ древней славой
Моихъ роскошныхъ береговъ?
Гдѣ храмъ иль замокъ величавый?
Гдѣ блескъ старинныхъ городовъ?..

Лишь Араратъ не забываетъ
О славѣ скрывшейся моей
И влагой нѣжно онъ питаетъ
Мое русло, какъ мать—дѣтей...

Но влаги вѣчной и священной
Достойны ль мертвыя поля,
Гдѣ турокъ властвуетъ презрѣнный,
И стонетъ древняя земля?

Мои сыны,—ихъ нѣтъ со мною!
Но сколько ихъ въ странѣ чужой,
Въ борьбѣ съ гнетущею нуждою,
Въ борьбѣ за хлѣбъ насущный свой!

Моихъ сыновъ враги изгнали,
Отчизну душитъ низкій плѣнъ,
И въ древній край они прислали
Толпы невѣрныхъ мнѣ взамѣнъ!

Для нихъ ли пышными цвѣтами
Теперь украшу берегъ свой,
И мнѣ ль предъ дикими очами
Блестать чарующей красой?!

Пока сыны мои томятся,
Пока для нихъ отчины нѣтъ,
Я буду скорби предаваться,—
И святъ да будетъ мой обѣтъ!“

И, бѣлой пѣной одѣваясь,
Въ ней скрылъ Араксъ свою печаль,—
И, точно змѣйка извиваясь,
Понесъ онъ волны къ морю вдаль...

Юрій Веселовскій.

Армянская дѣвушка *).

Видѣлъ ты полночный мѣсяцъ
Средь небесной синевы,
Или абрикось румяный
Въ яркой зелени листвы?

Видѣлъ группы ароматныхъ
Гиацинтовъ и гвоздикъ,
Алыхъ розъ и бѣлыхъ лилій,
Украшающихъ цвѣтникъ?

Но предъ дѣвушкой-армянкой
О лунѣ забудешь ты..
А цвѣты?.. За мигъ лобзанья
Ты растопчешь тѣ цвѣты!

Лобъ, какъ лилія, и розы
Расцвѣтаютъ на щекахъ.
Знакъ невинности,—улыбка
Постоянно на устахъ...

*) Этотъ переводъ любезно доставленъ былъ намъ въ 1893 г.
сыномъ покойнаго поэта, Ованнесомъ Патканьяномъ.

Вотъ она, зардѣвшись, бубенъ
Подняла надъ головой,
Выбивая тактъ лезгинки
Граціозною рукой.

Изгибая станъ свой стройный,
Нѣжной граціи полна,
То недвижна, то несется,
Будто ласточка, она.

И въ тревогѣ сладкой бьется
Сердце юноши тогда...
Старецъ съ грустью вспоминаетъ
Бодрой юности года...

Д. Паирузъ.

И теперь намъ молчать?!

(изъ поэмы „СМЕРТЬ ХРАБРАГО ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА“ *).

И теперь намъ молчать? И теперь свою рѣчь
Подавлять, когда врагъ свой губительный мечъ
Намъ приставилъ къ груди, какъ бессильнымъ
рабамъ,
Не внимая рыданьямъ и горькимъ мольбамъ?
Что же дѣлать намъ, братья? что въ горѣ начать?..
И теперь намъ молчать?!

И теперь намъ молчать, когда хитрымъ врагомъ
Все коварно повержено въ рабство кругомъ?
Онъ намъ права армянами быть не даетъ
И разрушилъ Торгома **) онъ доблестный родъ...
Слово, мечъ и свободу дерзнулъ онъ отнять...
И теперь намъ молчать?..

*) Варданъ Мамиконьянъ — армянскій національный герой, погибшій за родину и христіанство въ борьбѣ съ персами (2-го іюня 451 года, въ битвѣ на Аварайрскомъ полѣ).

**) Торгомъ, правнукъ Іафета и отецъ Гайка, считался какъ бы родоначальникомъ армянской націи.

И теперъ намъ молчать, когда мечъ, свой оплотъ,
 Далъ похитить врагамъ беззащитный народъ,
 Когда пахаря врагъ отъ сохи оторвалъ?
 Изъ меча и сохи онъ намъ цѣпи сковалъ...
 Мы въ плѣну, и безславно должны мы страдать...
 И теперъ намъ молчать?!

И теперъ намъ молчать, когда правды укоръ
 Врагъ въ себѣ заглушилъ, насъ обрекъ на по-
 зоръ?
 Изгоняютъ насъ вдаль изъ армянской страны,
 На чужбинѣ, въ слезахъ, мы скитаться должны...
 О, куда намъ итти? гдѣ пріюта искать?..
 И теперъ намъ молчать?!

И теперъ намъ молчать, когда дерзкой рукой,
 Унижая, позоря нашъ край дорогой,
 Врагъ и церковь святую, глумясь, осквернилъ?
 Нашихъ пастырей хищникъ коварный смѣнилъ...
 Нѣтъ и храмовъ у насъ, гдѣ-бъ молитвы свер-
 шать...
 И теперъ намъ молчать?!

И теперъ намъ молчать? Что же скажутъ въ тотъ
 часъ,
 Когда камни начнутъ говорить вмѣсто насъ?
 Иль не скажутъ тогда, что армянскій народъ
 Свой тяжелый удѣлъ по заслугамъ несетъ?
 Вѣдь умѣли же предки нашъ край защищать!..
 О, доколѣ молчать?

Пусть нѣмой иль калѣка безсильный молчитъ,
Или тотъ, кто позорнымъ ярмомъ дорожитъ!
Но безъ трепета вступимъ въ рѣшительный бой
Мы съ врагомъ ненавистнымъ за край дорогой,
Чтобъ хоть смертью свободу отчизнѣ достать,—
И... навѣкъ замолчать!..

Юрій Веселовскій.

Художникъ

Въ какой волшебный край несешься ты мечтою?
Проснись, юноша, пора тебѣ давно...
И кисти ждуть тебя, и краски предъ тобою,
И на твоёмъ станкѣ готово полотно...

Проснись, иди на мечь, на бой съ толпой пре-
зрѣнной!

Ты оглянись кругомъ: безумна и слѣпа,
Смѣясь надъ твоей дремотою блаженной,
Злословить и шумить ничтожная толпа!

Въ величїи души ты ей даришь прощенье,
И къ ропоту ея ты остаешься глухъ...
Но вотъ твой взоръ блеснулъ восторгомъ вдох-
новенья,
Волнуетъ грудь твою великій, мощный духъ!..

Объяла душу всю невѣдомая сила
И озарила все, что было такъ темно...
Божественная мысль поэта осѣнила...
Ты кистью оживилъ нѣмое полотно!..

Любовь и ненависть, и гнѣвъ, и страсть, и геній
Ты можешь выразить сильнѣе и живѣй
Безмолвнымъ языкомъ божественныхъ твореній,
Чѣмъ пышной фразою ораторскихъ рѣчей...

И поняла толпа великое творенье,
Въ восторгѣ передъ нимъ курила еиміамъ,
Кричала: „Вотъ нашъ богъ!“ въ порывѣ восхи-
щенья;
Она готова пасть была къ твоимъ ногамъ!..

Увы! твой дивный трудъ, дитя мечты безсонной,
Онъ проданъ лишь за горсть серебряныхъ монетъ!
Онъ въ рамѣ золотой... А въ думу погруженный
Мечтаетъ въ *жизни* задумчивый поэтъ...

Л. Уманецъ.

Новое поколѣніе мушцевъ *)

Когда, для жизни трудовой,
Средь мукъ, рождаетъ сына мать,—
Ему точеный, острый мечъ
Отецъ въ подарокъ долженъ дать!

Когда ребенокъ подрастетъ,
Къ игрушкамъ вкусъ проснется въ немъ;
Пусть привыкаетъ онъ играть
Безстрашно гибельнымъ ружьемъ!

И пусть, когда придетъ пора
Въ ученье мальчика отдать,
Онъ прежде учится мечомъ
Владѣть,—а послѣ ужъ читать!..

Читать, писать—полезно всѣмъ!
Но мало грамоты одной!
Пролить готовъ ли ученикъ
Всю кровь за честь страны родной?..

*) Мушь—название города и области въ Турецкой Арменіи.

И лишь тогда иной удѣлъ
Придетъ для насъ въ краю родномъ...
Кто сердцемъ гордъ и духомъ смѣлъ,—
Не будетъ нищимъ и рабомъ!!

Юрій Веселовскій.

Передъ изображеніемъ Богоматери

Отчего пречистый ликъ Маріи,
Съ тихимъ взоромъ, полнымъ горькихъ слезъ,
Устремленъ на небеса родныя?
Отчего въ немъ просьба и вопросъ?!

Ты—безгрѣшна. Почему-жъ тревога?
И, скрестивши руки, почему
Ты молитвы, вздохи, Матерь Бога,
Возсылаешь къ Сыну Твоему?

„Надъ землею, надъ засухой гнетущей
Снизойди, небесная роса,
Убери кору листвою цвѣтущей“,—
Очи Дѣвы молятъ небеса...

О, когда-бъ безгрѣшный не молился,
Да проститъ злодѣя-брата Богъ,—
Сводъ небесъ надъ нами-бъ помутился,
И потрясъ бы землю тяжкій вздохъ!...

Еслибъ онъ, мучителей прощая,
Не забылъ безумную вражду,—
Кто бы спасъ насъ, небо возвращая?
Всѣ бы мзду себѣ нашли въ аду!..

Сирыхъ мать, и вдовыхъ утѣшенья!
Воздыхая, скорби слезы лей!..
Эти слезы—міра избавленья;
Пусть онѣ струятся, какъ ручей!..

Элиса.

Армянская кровь

Слава Богу, армянская кровь пролилась!
Кровожадной Европы надежда сбылась...
Всѣ забыли, что живъ и армянскій народъ,
Что въ груди нашей сердце тоскуетъ и ждетъ,—
Но, лишь кровью запахло въ несчастномъ краю,
Вдругъ вернула Европа намъ милость свою!..
Слава Богу, армянская кровь пролилась!
Кровожадной Европы надежда сбылась...

Видѣть братскую кровь всѣ отвыкли давно!
То, что вынесли мы, имъ понять не дано...
Ужасъ дикой рѣзни имъ по слухамъ знакомъ,—
Пусть же спросятъ страдальцевъ безвинныхъ о
томъ,
Пусть армянка, лишившись любимыхъ дѣтей,
Имъ расскажетъ о тяжелой утратѣ своей!
Слава Богу, армянская кровь пролилась!
Кровожадной Европы надежда сбылась...

Ты видалъ ли, какъ мучатъ отца твоего,
Какъ на плаху ведутъ, издѣваясь, его;

Изъ объятій родныхъ вырываютъ дѣтей,
 Гибнетъ жизнь молодая въ рукахъ палачей...
 Ты видалъ ли сестры беззащитной позоръ,
 Сладострастныхъ враговъ торжествующій взоръ?..
 Слава Богу, армянская кровь пролилась,
 Кровожадной Европы надежда сбылась!

Вотъ священникъ-старикъ, убѣленъ сѣдиной,
 Тихо вышелъ къ молящимся съ чашей святой!..
 Вдругъ... явились злодѣи бездушные вновь...
 Въ чашу новая, теплая брызнула кровь!..
 То не сказки далекой, сѣдой старины,—
 То печальный удѣлъ беззащитной страны!
 Слава Богу, армянская кровь пролилась!
 Кровожадной Европы надежда сбылась...

Но доколѣ, о братъ мой, ты будешь терпѣть?!
 Иль съ несчастьемъ своимъ ты миришься,—отвѣть!
 Иль печальную вѣсть ты-бъ услышать хотѣлъ:
 „Нѣтъ на свѣтѣ армянъ,—древній край опустѣлъ!“
 Ужъ шесть тысячъ дѣтей край утратилъ родной...
 Не вернуть ихъ,—въ землѣ они скрыты сырой.
 Вотъ и кровь пролилась, въ дни жестокихъ
 потерь...
 Что жъ, Европа, скажи,—ты довольна теперь?..

Юрій Веселовскій.

Желаніе армянъ *)

Хотѣлъ бы видѣть я свободнымъ армянина,
Чтобъ отъ души онъ могъ судьбу благословить,
Чтобъ былъ богатъ, ученъ, забылъ свои кручи-
ны,—
Но только-бъ не пришлось мнѣ жертвы прино-
сить!

Чтобъ сдѣлались навѣкъ свободны всѣ армяне...
Какъ жизнь тогда для насъ была бы хороша!
И чтобъ землей своей владѣли бы крестьяне,—
Но только... пусть съ меня не просятъ ни гроша!

О, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ стали всѣ армяне
Наукамъ, грамотѣ учить дѣтей своихъ!
Учеными тогда всѣ были бы граждане,—
Но только отъ листовъ избавьте подписныхъ!..

*) Образецъ сатирическихъ стихотвореній Паткеняна, въ ко-
торыхъ онъ изображаетъ душевный міръ самодовольныхъ эго-
истовъ, которые только на словахъ сочувствуютъ родинѣ, а въ
дѣйствительности думаютъ лишь о себѣ.

О, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ юноши учились,
Шли въ академію, въ предѣлы дальнихъ странъ,
Чтобы армянки всѣ въ Швейцарію стремились,—
Въ покоѣ только бы остался мой карманъ!

Чтобъ завелись у насъ и университеты,
Имѣла-бъ много школъ родимая земля,
И библіотеки, театры, и газеты,—
Лишь мнѣ бы не пришлось затратить ни рубля!

Чтобы Зейтунецъ нашъ (хоть волею Зевеса!)
И бомбы, и шаспо, и штуцеръ получилъ...
О, какъ разбилъ бы онъ и курда, и черкеса!..
Лишь только-бъ у меня онъ денегъ не просилъ!

Когда-жъ Арменія (ужъ это будетъ чудо!)
Заблещетъ славою, отъ бѣдъ освободясь,—
Сознайтесь, господа,—вѣдь было бы не худо,
Когда-бъ въ Арменіи я былъ глава и князь!..

Л. Уманецъ.

Одна изъ тысячи

„Скажи мнѣ, госпожа, красавица моя,
Открой, зачѣмъ грустишь ты и тоскуешь вѣчно?
Чего желаешь ты, и въ чемъ твоя забота?
Ты такъ стройна, лицо сіяетъ красотою;
Ты вся окутана и бархатомъ, и шелкомъ;
Одинъ твой только взглядъ,—и вѣрныя служанки
Уже спѣшатъ твои желанья всѣ исполнить.
И днемъ, и въ часъ ночной плѣнительные звуки
Твой услаждаютъ слухъ. Роскошные ковры
Разостланы у ногъ твоихъ. Въ твоемъ покоѣ
Устроенъ для тебя цвѣтникъ благоуханный.
Прекрасные плоды твой украшаютъ столъ,
А предъ тобой стоитъ кальянъ великолѣпный...
О, не завидуй ты и ангеловъ блаженству!
Твоя роскошная обитель—тотъ же рай!
Не стала ты женой простого человѣка,—
Супругой стала ты могучаго паши.
Печалиться, грустить—то было-бъ неразумно!“

Въ гаремѣ старая рабыня говорила
Такъ госпожѣ своей, армянкѣ Рипсимэ,

Которую враги свѣтъ истины Христовой
 Принудили забыть и стать магометанкой.
 Въ отвѣтъ не молвила ни слова Рипсимэ
 И только въ сторону съ печалью отвернулась.
 Ея лицо дышало грустью. Тихо слезы
 Изъ чудныхъ, нѣжныхъ глазъ красавицы катились...

Она взглянула вверхъ, на дальній небосклонъ,
 И, горе тяжкое въ своей душѣ скрывая,
 Смотрѣла, какъ неслись по небу грозно тучи,
 Въ которыхъ молніи заснувшія таились,
 Какъ и въ ея душѣ... И вспомнилось ей дѣтство,
 Ея родители, и братья, и родные,
 И время чудное, когда жилось ей дома
 Такъ мирно, беззаботно,—и тотъ день ужасный,
 Когда въ ихъ домъ,—на Пасхѣ это было,—
 Турецкій офицеръ съ кавасами ворвался
 И объявилъ паши безжалостнаго волю:
 Что Рипсимэ должна вступить въ его гаремъ...
 Безъ чувствъ упала мать, убитая той вѣстью,
 Любимой дочери пришелъ отецъ на помощь,
 Но вотъ блеснула сабля,—и, рукой каваса
 Сраженный, мертвымъ палъ отецъ на землю!..

И увлекли ее въ гаремъ... И отреклась
 Она отъ вѣры христіанской, отъ армянъ,
 И сдѣлалась паши супругою любимой...
 Но никогда съ тѣхъ поръ ни смѣха, ни улыбки
 Не видно было на лицѣ ея. Ни танцы,

Ни игры шумныя иль пышныя наряды,—
Ее въ тоскѣ ничто, ничто не веселило!..
Но гнѣбныя слова проклятыя злымъ врагамъ
Съ невинныхъ устъ ея ни разу не слетѣли;
И только все она шептала съ удивленьемъ:
„О, что - жъ меня спасти не явятся армяне?..“

Юрій Веселовскій.

Долина цвѣтовъ

(НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ)

Была весна. Растаяли снѣга.
Въ домахъ раскрылось каждое оконце.
Глядѣло ласково на землю солнце,
Смѣялись всѣ долины и луга.

Весною—рай въ Арменіи счастливой!
Она сходна съ эдемомъ. Соловей
Хвалебный гимнъ поетъ среди вѣтвей,
И жаворонка трель звенитъ надъ нивой.

„Сойдемъ въ долину, сестры, поиграть!“
Армянскихъ дѣвушекъ подруги звали.
Въ нарядахъ пестрыхъ, въ длинномъ покрывалѣ
Бѣгутъ онѣ приходъ весны встрѣчать.

И на обѣдъ съ собой взявъ хлѣба, сыру,
Онѣ въ нарядахъ яркой нестроты
Разсыпались въ долинѣ, какъ цвѣты,
Танцую и готовясь въ полдень къ пиру.

Толпа развратныхъ персіянь на нихъ
Вдругъ изъ засады бросилась, блистая
Оружіемъ. Такъ коршуновъ злыхъ стая
Невинныхъ птичекъ рветъ въ когтяхъ своихъ.

Но дѣвы цѣломудренны и чисты
Въ Арменіи! Имъ святъ обѣтъ любви.
Оружья не страшась, онѣ въ крови
На землю пали въ день весны лучистой.

Въ горахъ садилось солнце. Дочерей
Домой напрасно матери ихъ ждали;
Въ волненіи, тревогѣ и печали
На поиски идутъ онѣ скорѣй.

Въ долинѣ тамъ, еще блестя нарядомъ,
Лежали трупы дѣвъ, и былъ вокругъ
Ихъ чистой кровью окропленъ весь лугъ,
Ручей и холмъ, и каждый кустикъ рядомъ.

Рыдали матери. Къ землѣ сырой
Припавъ челомъ, онѣ уснули въ полѣ...
Не плакали, не тосковали болѣ
Онѣ, проснувшись утренней порой;

Цвѣли въ долинѣ смерти и печали
Фіалки, розы, пестрые цвѣты,
И, какъ кадилаицы, холмы, кусты
И травы всѣ кругомъ благоухали!..

И съ той поры весною каждой тутъ
Растутъ цвѣты душистые въ долинь,
И съ этихъ дней въ Арменіи понынѣ
„Долиною цвѣтовъ“ ее зовутъ.

В. Шуфъ.

Тѣмъ, кто меня не любитъ

Ты не любишь меня,—нѣтъ сомнѣнья,—
Ненавидишь меня и клянeshь
И перу моему въ озлобленьи
Постоянно угрозы ты шлешь.

Ты не любишь меня.. Мои строки
Ядовиты, какъ жало змѣи;
Въ нихъ и желчи, и грязи потоки,—
И не любишь ты пѣсни мои!

Вѣдь съ гримасою горечь лѣкарства
Принимаетъ дитя отъ врача,
Отъ луны убѣгаетъ коварство,
Скорпионъ—отъ дневного луча...

Твои боги—тельцы золотые—
Всѣ повергнуты мною во прахъ;
На далекія звѣзды святыя
Указалъ я тебѣ въ небесахъ.

Не бываетъ пророка въ отчизнѣ!
Тотъ, кто правду всегда говоритъ,

Терпитъ зло и гоненіе въ жизни
И лохмотьями вѣчно покрытъ.

Ты сказалъ мнѣ, безумецъ несчастный,
Когда свергнулъ я ложныхъ боговъ:
„Мнѣ не надо свободы напрасной!
Пусть я буду подъ гнетомъ оковъ!“

Совершилъ ли ты доброе дѣло?
Что принесъ ты родимой странѣ?
Или жизнью гордишься ты смѣло,
Что провелъ ты въ обжорствѣ и снѣ?

Ты не любишь меня... Не за то ли,
Что о долгѣ твержу я всегда?..
Чтобъ добиться достойнѣйшей доли,
Надо много борьбы и труда!

О себѣ и о дѣтяхъ подумай!
Свою вѣру, языкъ сохрани!
Я избавлюсь отъ мысли угрюмой,—
И меня ты, какъ хочешь, кляни!

Пронесутся года вереницей,
Ужъ ислѣдетъ мой прахъ безъ слѣда,—
И вашъ грѣхъ надъ моею гробницей
Ваши дѣти оплачутъ тогда!

С. Головачевскій.

**Адресъ Султану отъ лица 36-ти армян-
скихъ эфенди-измѣнниковъ *)**

Благодаримъ тебя, великій нашъ султанъ,
За то, что разорилъ ты грустный край армянъ,
Что гибли тысячи по твоему велѣнью,
И села мирныя ты предалъ разрушенью!

Хвала и честь тебѣ, могучій государь,
За то, что свой Коранъ ты свято чтить, какъ
встарь,
Надъ нашей вѣрою глумишься беспощадно
И оскверняешь крестъ надменно и злорадно!..

Благодаримъ тебя, великій Падишахъ,
За то, что милъ тебѣ армянъ забитыхъ страхъ,
Что другомъ ты назвалъ черкеса, не краснѣя,
И курда дикаго, разбойника-злодѣя!

*) Дышащее сарказмомъ стихотвореніе, выванное благодарственнымъ адресомъ группы армянъ-ревегатовъ, который былъ поданъ султану въ пору наиболѣе жестокихъ репрессій, направленныхъ противъ турецкихъ армянъ.

Въ темницахъ сумрачныхъ хвала тебѣ гремитъ,—
Страдальцевъ скорбный хоръ тебя благодаритъ
За то, что ихъ подвергъ гоненьямъ ты суровымъ,—
Имъ даль принять вѣнецъ, какъ мученикамъ но-
вымъ!..

О, не забудеть, вѣрь, щедротъ твоихъ, султанъ,
Признательный тебѣ, покорный край армянъ,—
И сохранять навѣкъ исторіи скрижали
Все то, что при тебѣ армяне испытали!

Юрій Веселовскій.

Смбатъ Шахъ-Азизъ

Изъ поэмы „Скорбь Леона“:

а) Изъ первой пѣсни: прощаніе Леона со своей возлюбленной.

Не проливай на грудь мнѣ слезы,
Вѣдь грудь моя—утесь!
На немъ ни лиліи, ни розы
Не вырастутъ отъ слезъ!

Любовь, цвѣтушую, святую
Онѣ не возродятъ...
Онѣ лишь скорбь тревожатъ злую
И вызываютъ адъ...

Я одиноко во вселенной
Брожу, какъ Вѣчный Жидъ...
Не спрашивай, мой другъ безцѣнный,
Куда мой путь лежитъ!..

Своими скорбными мечтами
Я не смущу твой рай.

О, дѣва чистая, слезами
Свой взоръ не омрачай!

Видала-ль ты въ часы ненастья
Ревущій океанъ,
Когда въ могучемъ самовластьи
Бушуетъ ураганъ?

Таковъ мой духъ! въ тревогѣ вѣчной
Проходитъ жизнь моя;
Меня покинулъ смѣхъ безпечный,
Во тьмѣ скитаюсь я.

Пусть радуга твой ликъ невинный
Навѣки озарить—
И вѣчно голосъ соловьиный
Въ ушахъ твоихъ звучить!

Тебя, съ любовью безконечной,
Голубка, я ласкалъ,—
Отдавъ тебѣ весь пылъ сердечный,
Небесной называлъ.

Теперь—прости! томиться всюду
Я осужденъ судьбой!
Изъ края въ край блуждать я буду,
Ища страны родной.

Страны родной!.. увы! кто скажетъ,
Гдѣ родина моя?

Пусть мимолетный сонъ покажетъ
Мнѣ милые края!

Моя страна родная, гдѣ ты?
Исчезли цѣпи горъ,
Морскія волны тьмой одѣты,
Ужъ ихъ не видитъ взоръ!..

Мой край лежитъ поработенный,
Измученный, въ цѣпяхъ,
И, въ сердце на смерть пораженный,
Склоняется во прахъ!

О, сердце, ты—очагъ мученья!
Тоскуй въ моей груди!
Но, можетъ быть, заря спасенья
Заблещетъ впереди!

Придетъ, быть можетъ, это время,
Минуютъ дни скорбей,—
И станетъ легче злое бремя
Сыновъ страны моей.

Прости, мой другъ! не вѣдай муки!
Пусть сердце замолчить!
Пусть мы умремъ съ тобой въ разлукѣ,—
Насъ смерть соединить...

С. Головачевскій.

**в). Изъ второй пѣсни: сѣтанія и груст-
ныя думы Леона**

...Мчится дальше Леонъ,—и преградъ ему нѣтъ!
Быстро горы мелькаютъ, долины.
Вотъ бѣлѣтъ Казбекъ, вѣчнымъ снѣгомъ одѣтъ;
Тамъ—другія тѣснятся вершины...

Вотъ раскинулась цѣпь бѣлоснѣжная горъ,
Смѣло въ мѣръ облаковъ проникая,
И на солнцѣ горитъ ихъ алмазный уборъ,
Надъ суровой вершиной сверкая...

Изъ ущелья въ горахъ, вѣчно мощенъ и смѣлъ,
Поднимаясь надъ бездной высоко,
Величавый орелъ гордо къ небу взлетѣлъ
И въ эфирѣ паритъ одиноко.

О, орелъ! Твоей цѣлью завѣтной была
Недоступная высь голубая...
Еслибъ слава армянъ такъ подняться могла,
Послѣ рабства и слезъ оживая!

Еслибъ край нашъ родной снова силу нашель
Сбросить бремя невгодъ и мученья,
Какъ прозрачный эфиръ разсѣкають, орель,
Твоихъ крыльевъ могучихъ движенья!..

* * *

Кто изнѣженъ и слабъ, кто отваги лишень,
Пусть дивится тому, что, страдая,
Съ мрачной думой своей неразлученъ Леонъ,
По горамъ и пустынямъ блуждая!..

Пусть правдивая скорбь непонятна, смѣшна
Тѣмъ, кто ищетъ утѣхъ, наслаждений,
Чья безпечная жизнь суеты лишь полна,
Жажды шумныхъ, пустыхъ развлеченій!..

Духъ Леона, скорбя, ненавидитъ покой,
И чужда ему жизни отрада:
Такъ страдалецъ-народъ осушаетъ съ тоской
Кубокъ, полный смертельнаго яда.

Зеленѣютъ поля... Вновь фиалка, жасминъ,
Все подъ лаской весны расцвѣтаетъ...
Какъ дыханіе дѣвы, порой изъ долинъ
Ароматный зефиръ долетаетъ.

Межъ душистыхъ цвѣтовъ себѣ путь проложивъ,
Блещетъ чистый ручей красотою.
Дремлетъ лилія, томно головку склонивъ,
Надъ журчащей мечтая водою!..

Хочетъ вѣрить Леонъ, что потокъ унесетъ
 Быстро вдаль его мрачное горе,
 Улыбнется весна... птичекъ хоръ запоетъ...
 И воспрянетъ душа на просторѣ!

Онъ ударилъ по струнамъ,—но слышитъ въ отвѣтъ
 Лишь напѣвы печали, томленья.
 Струны шепчутъ: „Рыдай безутѣшно, поэтъ,—
 Не насталь еще часъ избавленья!“

* * *

Молча страдаетъ Леонъ,—и не выдастъ онъ мукъ,
 Взоръ людской разгадать ихъ не можетъ...
 Тайно скорбь, натянувъ свой губительный лукъ,
 Словно демонъ, страдальца тревожить.

Въ истомленной душѣ—грусть и муки теперь!
 Мысли—море съ бурливой волною!
 И навѣкъ заперта свѣтлой радости дверь,—
 Не повѣтъ, какъ прежде, весною!..

И душа, что когда-то, свѣтла и ясна,
 Какъ цвѣтокъ, распускалась безпечно,
 Скорбный кубокъ теперь осушаетъ до дна,
 Что тоской наполняется вѣчно.

Юрій Веселовскій.

**с). Изъ третьей пѣсни: параллель между
армянками 19-го и 5-го вѣка**

Вотъ, съ улыбкой безпечной, веселой толпой
Предъ Леономъ проходятъ армянки...
Точно жалкая гѣнь передъ ихъ красотой
Блѣдный обликъ и взоръ сѣверянки!..

Пышны кудрей ихъ волны, и ростъ ихъ красивъ;
Всѣ дивятся ихъ чудному взгляду...
Не скрывай же, о юноша, страстный порывъ,
Дай вѣнокъ имъ лавровый въ награду!

Черныхъ, нѣжныхъ очей ихъ плѣнителенъ взглядъ,—
Въ нихъ то ночь, то заря вдругъ заблещетъ...
Какъ цвѣтуція розы, ихъ щеки горять,
И пылаетъ лицо, и трепещетъ...

Гдѣ поэтъ, чтобъ въ чарующей пѣснѣ своей
Ихъ на лирѣ воспѣлъ вдохновенной?..
Гдѣ та кисть, чтобъ могла чудный взоръ ихъ очей
Возсоздать въ красотѣ несравненной?..

О, Эллада, счастливый, сияющий край!
Ты—страна красоты и блаженства!
Здѣсь ты нѣжнаго сердца отраду познай
И горячей любви совершенство!

О, Италия! Въ грезахъ къ тебѣ мы летимъ,
Ты—поэтовъ мечта золотая...
Но достался вѣнецъ твой лавровый другимъ,—
Скромнымъ дѣвамъ Кавказскаго края!..

Но любовь не всегда торжествуетъ въ груди,—
Сердце жаждетъ, забывъ увлеченье,
Въ юныхъ дѣвахъ народности проблескъ найти,—
И его безуспѣшно стремленье!..

Всюду чуждый языкъ, всюду чуждая рѣчь...
О, армянки! Презрѣвъ все родное,
Вы рѣшились роднымъ языкомъ пренебречь
И принять воспитанье чужое!

Иль слаба и бѣдна рѣчь армянской земли,
Чтобъ излить вамъ мечтанья и муки?
Нѣтъ! и въ ней есть слова увлеченья, любви,
Есть отрадныя, нѣжныя звуки!

Пышно вы расцвѣли... Но въ армянскій народъ
Не вдохнете вы счастья и жизни!
Въ жены русскій, татаринъ, грузинъ васъ возьметъ,
И забудете вы объ отчизнѣ!

Суетливо, безцвѣтно пройдутъ ваши дни...
 Нѣтъ вамъ счастья и нѣтъ утѣшенья!
 Слыша горькій укоръ вашей прежней земли,
 Вы свое проклянете рожденье!

И придутъ къ вамъ пѣвцы безпріютные въ домъ...
 Они скажутъ вамъ: „О, помогите!
 Мать Арменія страдаетъ, въ несчастіѣ своемъ“...
 „Васъ не знаемъ!“ отвѣтъ вы дадите.

Ни горячія слезы молящихъ людей,
 Ни страны беззащитной терзанья
 Не зажгутъ въ вашемъ сердцѣ къ отчизнѣ своей
 И къ народу—огонь состраданья!..

Но умѣли армянки отчизну любить
 Въ старину беззавѣтной любовью
 И, безстрашно борясь, ея раны омыть
 Непорочною, чистою кровью.

Съ сладкозвучнымъ бамбирномъ *) на битву съ
 врагомъ

Шли отважно армянскія дѣвы,
 Изъ груди молодой, осѣненной крестомъ,
 Полились боевые напѣвы...

Когда персъ горделивый армянской странѣ
 Сталъ готовить позоръ, разрушенье,

*) Древне-армянскій струнный инструментъ.

Съ крикомъ „гибель врагамъ“ понеслись на конѣ
Благородныя дѣвы въ сраженъе!

Позабывъ о дѣвическихъ нѣжныхъ мечтахъ
И надежду на бракъ отвергая,
Лишь къ народу, къ странѣ сохранили въ сердцахъ
Онѣ пламя любви, умирая!

И остались въ тѣ дни въ заустѣннѣ, въ пыли
Ложа юныхъ супругъ; ожиданье
Не сбылось; ихъ мужья—не вернулись они;
Грозный врагъ ихъ обрекъ на страданье!

Наступила весна... Пышно роза цвѣла...
Вновь безопасно толпа веселилась...
Въ юныхъ вдовахъ тоска умереть не могла,
И любовь неизмѣнно таилась.

Проходили года... Съ безутѣшной душой
Горевали онѣ объ отчизнѣ,—
И заснули навѣкъ, не разставшись съ тоской
До заката страдальческой жизни.

На поляхъ Аварайра ихъ кости легли...
Вскорѣ люди, придя, увидали:
Надъ могилой ихъ лили пышно цвѣли,
И фиалки на ней расцвѣтали...

Пусть вѣнчаютъ ихъ лавры за подвигъ святой!
Пусть, отдавшись мечтамъ вдохновеннымъ,
Ихъ почититъ патриотъ благодарной слезой!..
Вѣчный миръ ихъ останкамъ священнымъ!..

Юрій Веселовскій.

Итальянцы и итальянцы

1.

Зачѣмъ забыли, итальянцы,
Веселый, радостный напѣвъ,
Зачѣмъ забыли пляски, танцы,
И смолкло пѣнье вашихъ дѣвъ?..
Былую грацію ужели
Забылъ совсѣмъ прекрасный полъ?
Враждою очи заблестѣли,
Въ рукахъ сверкнулъ ружейный стволъ...
Хоть на устахъ все тѣ же розы,
Но очи злобою горятъ,
И въ тѣхъ устахъ смертельный ядъ:
Не ласки шепчутъ, а угрозы...
Онѣ воспрянули душой,
Идя на бой за край родной!

2.

О, еслибъ ихъ вы увидали—
Съ улыбкой страстной на устахъ,
Съ улыбкой нѣги иль печали,
Съ гитарой звонкою въ рукахъ!..
О, еслибъ пѣсни ихъ слыхали

Подъ сѣнью пальмы, у ручья!..
 Такъ изъ волшебной, чудной дали
 Несутся пѣсни соловья...
 Любить умѣютъ дѣти юга:
 Любовь и страсть у нихъ въ крови!
 Въ порывѣ страсти и любви,
 Умѣетъ пѣсни пѣть подруга
 Въ тѣни лѣсовъ, въ тиши долинъ,
 Подъ звуки стройныхъ мандолинъ...

3.

И вьются локоны волною,
 И дышать нѣгою уста;
 Ихъ брови черныя—дугою,
 Въ чертахъ небесныхъ—красота!
 Да, кудри ихъ чернѣе ночи;
 Въ очахъ у нихъ—и рай, и адъ,
 И, словно звѣзды, блещутъ очи,
 Блаженство дивное сулятъ!
 Какъ арфы чудные аккорды,
 Ихъ голосъ нѣгою звучить,—
 Предъ ними грозный врагъ бѣжитъ,
 Онѣ могучи, храбры, горды!..
 Какъ непорочно, какъ свѣтло
 Ихъ вдохновенное чело!

4.

Подобно вамъ, о итальянки,
 Вооружились на врага

Когда-то смѣлыя армянки,—
Имъ жизнь была не дорога.
Онѣ погибли, отдавая
Родной землѣ всю кровь свою,
И я, героевъ вспоминая,
Имъ славу вѣчную пою!
Да, славу свѣтлую стяжали,—
Молва о нихъ досель живетъ,
И каждый честный патриотъ,
Скорбя въ тяжелый мигъ печали,
Страдая пылкою душой,
Вспомянетъ подвигъ ихъ святой...

5.

Страна любви, войны и славы,—
Благословенная страна!
Вѣнкомъ лавровымъ величаво
Ты быть увѣнчана должна!
На бой смертельный, бой кровавый
Идите, родины сыны,
И озаритесь вѣчной славой,
Герои страждущей страны!
Да, не погибнетъ эта сила!
Героевъ кровь лилась рѣкой...
Ужель осилитъ врагъ лихой,
Ужель героевъ ждетъ могила,
Ужель, Италия, должна
Ты снова быть покорена?!

6.

Въ комъ сердце чуткое трепещетъ,
Тотъ горькихъ слезъ прольетъ ручей!
Лишь врагъ злорадно рукоплещетъ
При видѣ гибели твоей...
И, видя твой удѣлъ печальный,
Мы горькихъ слезъ прольемъ ручьи
И изъ отчины нашей дальней
Оплачемъ бѣдствія твои.
Проклятье хищному Бурбону,
Который знамя водрузилъ;
Вѣдь онъ Италію сразилъ
И чести вѣчному закону
Коварный хищникъ измѣнилъ,
Тебя лишивъ послѣднихъ силъ!

7.

Впередъ, друзья, на приступъ, къ бою,
Вы всѣ возстаньте, какъ одинъ:
На помощь храброму герою
Пойдетъ толпа его дружинъ!
На подвигъ грозный и кровавый
Идите, гордые сыны,
И осѣнитъ васъ чудной славой
Могучій, свѣтлый богъ войны!..
На подвигъ всѣ идите смѣло!
Васъ самъ Господь благословить,
Небесный вамъ даруя шить,

И за святое ваше дѣло
Пойдетъ озлобленный народъ,—
И лавръ побѣдный расцвѣтетъ!

8.

Вернись, вернись, былая слава,
Верни былая времена,—
И пусть коварная держава *)
Позоромъ будетъ сражена!..
Верни, народъ, былая силы
И славу прежнюю свою!..
Съ восторгомъ пылкимъ до могилы
Я буду славу пѣть твою!..
И въ нашемъ страждущемъ народѣ
Своимъ примѣромъ оживи
Стремленье къ свѣту и свободѣ,
Могучій духъ живой любви!..

Л. Уманецъ.

*) Т.-е. Австрія.

Сонъ

Я услышалъ напѣвъ сладкозвучный,—
Моя мать была снова со мной!..
Сердце радостью вновь озарилось,—
Но, увы! то былъ сонъ золотой!

И журчалъ ручеекъ, протекая...
Онъ жемчужныя струи катилъ;
Какъ кристалль, былъ онъ чистъ и прозраченъ,—
Но... лишь сонъ то обманчивый былъ!

И родные, печальные звуки
Вновь о дѣтствѣ напомнили мнѣ...
Словно мать меня вновь цѣловала...
Но, увы! это было во снѣ!..

Мать къ груди меня нѣжно прижала,
И рыдалъ я, душой умиленъ...
Она слезы мои осушала...
Ахъ, зачѣмъ это былъ только сонъ!..

Юрій Веселовскій.

Повѣсть любви

Она къ груди прижала вновь
Мою трепещущую руку
И говорила... про любовь,
Про чувство нѣжное и муку...

„Любовь—огонь, изгнавшій тьму,
Все поглощающій мятежно...
Но, если пищи нѣтъ ему,
Онъ угасаетъ безнадежно...

„Любовь—лучъ свѣта для людей,
Источникъ счастья неземного,
Любовь—свѣтильникъ юныхъ дней,
Надежда сердца молодого.

„Ея чарующій призывъ
Разбудить все, что въ людяхъ живо,
Былыя грезы воскресивъ,
Звуча свободно и правдиво!

„Пока сіяетъ небосклонъ,
И сердце пламенное бьется,

Люби! вѣдь жизнь пройдетъ, какъ сонъ.
Что промелькнуло—не вернется!..

„Подумай,—мрачный день придетъ,
Заря померкнетъ, догорая,
И насъ, безсильныхъ, смерть возьметъ,
Покроетъ прахъ земля сырая...

„Ужель меня ты огорчишь,
И къ другу тщетно я взываю?
Взгляни: молчанье ты хранишь,
А я ужъ слезы проливаю!..“

Юрій Веселовскій.

* * *

Ликуйте, я видѣлъ: зажглась, какъ заря,
Звѣзда нашей родины... Ярко горя,
Гайкановъ *) впередъ она къ свѣту манить...
Растопленъ вражды вѣковѣчный гранить!
Христось къ намъ нисходитъ съ дарами любви.
Хоть взоръ Его грустенъ и раны въ крови,
Съ любовью отчизнѣ Онъ радость несетъ,
Свергаетъ ярма онъ властительный гнетъ.
Осушены слезы! И стерты слѣды
Бѣды нашей давней, тяжелой бѣды...

Что случилось?.. О, горе! Проснулся вдругъ я,
Въ душѣ пробудилась печали змѣя,—
И сердце странѣ вновь бѣду вожить...
Ахъ, плачьте, гайканы! Звѣзда не горить!
Нашъ край, какъ и прежде, во тьму погружень...
Что видѣлъ я, братья, то свѣтлый былъ сонъ!

И. Гриневская.

*) Т.-е. армянь (Гайкъ — мифическій родоначальникъ армянскаго народа).

Тайственная ночь

1.

Не могу не воспѣть этой ночи красы;
Въ эту дивную ночь предо мною
Чередой безмятежной проходятъ часы;
И безсмертныя тайны—съ луною—
Незабвенныя тайны проснулись въ тиши,
Тѣ, что каждый лепѣтъ съ любовью
И отъ міра хранить въ самыхъ нѣдрахъ души,
Не предавъ ихъ его суесловью.
И одна лишь—блаженнымъ покоемъ полна—
Безотвѣтная знаетъ о нихъ тишина.
Въ ночь такую намъ сладостенъ лепетъ,
Прославляющій счастье первой любви...
Какъ скрываемъ мы вздохи и трепетъ,
Эти чистыя, чистыя слезы свои!

2.

Вотъ опять та же ива и тѣ же кусты
Предо мною, волненьемъ объятымъ.
Посмотри, тамъ внизу распустились цвѣты,
Окружая тебя ароматомъ;

Подойди къ нимъ, тебя не уколють они.
 Улыбаются розы! Весною
 Здѣсь гулялъ я въ цвѣтуще майскіе дни,
 И была дорогая со мною.
 На цвѣты поглядѣла она, и поднесъ
 Я вѣнокъ ей, сплетенный изъ розъ.
 Безъ любви свѣтлой юности годы
 Не покажутся-ль дряхлой, сѣдою зимой?
 А минуетъ любовь—и невзгоды,
 Все готовъ я снести, вплоть до смерти самой!

3.

Вотъ долина, и зелени яркой коверъ
 Здѣсь раскинутъ отъ края до края,
 И цвѣты разбросали по немъ свой узоръ.
 Не завидую прелестямъ рая!
 Здѣсь ласкаетъ мнѣ взоры небесный просторъ
 Синевую глубокой и ясной,
 Отразившей собой милой дѣвушки взоръ,
 Бѣлокурой и нѣжно-прекрасной.
 Еслибъ, люди, предавшись земной суетѣ,
 Не любили вы всѣ въ ослѣпленѣ
 Блескъ наложницъ, въ кричащей его красотѣ,—
 Вы познали бы здѣсь упоенье!

4.

Садъ волшебный покоя и мира!
 Звучной пѣснью достойно ль тебя воспоетъ

И прославить тебя эта лира?
Духъ—природѣ, а мнѣ—жизнь и силы даетъ
Этихъ дивныхъ картинъ совершенство.
И поэтъ, очарованный имъ безъ конца,
Ощущая святое блаженство:
Познавать въ тѣ часы и величье Творца,
И могущество тайнъ мірозданья,—
Воспоеть, вдохновенья крыломъ осѣнень,
Лишь Того, Кто стоитъ внѣ міровъ и времянь—
Въ недоступномъ для міра сіяньѣ.

О. Чюмина.

Аштарақъ

Листвой деревьевъ осѣненъ
Мой Аштарақъ родной...
Тамъ воздухъ чистъ, и небосклонъ
Сіяетъ голубой...

Кругомъ поля, какъ изумрудъ,
Душистые цвѣты...
И травы пышныя растутъ
Тамъ рѣдкой красоты.

Село родимое лежитъ
Надъ быстрою рѣкой.
Форель рѣзвится и шалить
Въ волнахъ ея порой...

Разлить волшебный ароматъ
Въ привѣтливыхъ садахъ,
И воды ласково журчатъ,
Что вдаль несетъ Касахъ.

Но мракъ невѣжества гнететъ
Тамъ робкіе умы,

И задыхается народъ
Подъ игомъ вѣчной тьмы!

Грущу я часто въ тишинѣ,
Красу твою любя...
О Аштаракъ! подобно мнѣ
Любилъ ли кто тебя?..

Когда весь мiръ въ объятяхъ сна,—
Какъ прежде, я томлюсь...
Въ полночный часъ душа грустна,—
Я за тебя молюсь...

Юрій Веселовскій.

Гибель любви

Съ той поры, какъ погибла навѣки любовь,
Протекло много дней и ночей,—
Но надежда меня не порадуеть вновь!..
И во снѣ я мечтаю о ней!

Расцвѣтала весна, и свисталь соловей,—
И шептались въ лѣсу вѣтерки...
Вспоминая о ней, о голубкѣ моей,
Я страдалъ, изнывалъ отъ тоски...

Но печальная жизнь оковала меня
И оковами тяжело гнететь...
Не влечеть меня счастье, величьемъ маня,
И богатство меня не влечеть.

О, зачѣмъ ты, величіе жалкое, мнѣ?!
Ты не въ силахъ мой духъ оживить!
Оборвется навѣкъ въ этой скорбной странѣ
Этой жизни печальная нить!

Пусть обниметь меня упоительный сонъ,
И навѣки погаснетъ звѣзда!

Скорбный духъ удрученъ, и не вѣдаетъ онъ,
Что съ нимъ будетъ за гробомъ, *тогда*?!

Если тлѣнная плоть распадется во прахъ,
Если брѣнное тѣло умереть,—
Неужели мой духъ воспаритъ въ небесахъ,
Совершая духовный полетъ?!

О, тогда вспомни ты про былого пѣвца
И слезу на могилу пролей.
Полюбилъ онъ тебя, и любилъ до конца,—
До конца этихъ сумрачныхъ дней!..

Ты, быть можетъ, теперь веселишься вдали,
Веселишься, другъ мой, любя,—
И рыданья мои долетѣть не могли,—
Долетѣть не могли до тебя!..

Л. Уманецъ.

* * *

Мое сердце объято тоской...

Я не знаю, что рокъ мнѣ сулитъ!

Я томлюсь, какъ въ темницѣ сырой...

Что-то грудь мою давитъ, томить...

Жизнь въ душѣ затихаетъ моей...

Гаснетъ юности радостный свѣтъ!

И любви къ міру зла и скорбей

Въ моемъ сердцѣ измученномъ нѣтъ!..

Грустно юность поблекнетъ, умретъ

Безъ участя и ласки людской...

Скоро-ль тяжкое бремя спадетъ,

Иль земля мнѣ даруетъ покой?..

Мраченъ жизни моей небосклонъ...

Мнѣ дорога впередъ не ясна...

Лишь чернѣетъ вдали Ахеронъ,—

И на немъ я не вижу челна!

Духъ мой слабъ, безутѣшенъ и нѣмъ,
Нелегка моя жизнь и борьба...
Крестъ тяжелъ... О, зачѣмъ же, зачѣмъ
Ты меня обманула, судьба?!

Юрій Веселовскій.

Духъ-скиталець

Освобожденный духъ въ обитель рая,
Покинувъ землю, радостно легълъ;
И хоръ свѣтилъ, привѣтливо сія,
Встрѣчалъ его у входа въ свой предѣлъ.

Онъ херувимовъ видѣлъ тамъ блаженныхъ,
Они ему кадили ошміамъ...
И вотъ престолъ въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ,
Какъ молнія, блеснулъ его очамъ.

Царилъ покой, ничѣмъ не нарушимый,
Въ обители угодниковъ всегда,
И пламенѣлъ вѣнецъ неугасимый
Надъ ихъ челомъ, какъ яркая звѣзда.

Среди цвѣтовъ, журча, вода живая
Тамъ протекала чище дѣтскихъ слезъ,
И пѣнье райскихъ птицъ, не умолкая,
Во славу Всемогущаго несло.

Изъ всѣхъ людей никто такой картины,
Исполненной божественныхъ красотъ,

Еще не видѣлъ до своей кончины,—
Величья Бога смертный не пойметъ!

И духъ вошелъ въ страну обѣтованья,
Гдѣ наступаетъ горести конецъ,
Гдѣ всѣ равны, гдѣ больше нѣтъ страданья,
И гдѣ со всѣми вѣчно Самъ Творецъ.

Но загрустилъ тотъ духъ въ покоѣ вѣчномъ
И возропталъ на новый свой удѣлъ,
И, не привыкнувъ къ радостямъ безпечнымъ,
Сказать святому своему хотѣлъ:

„Пусти меня туда, гдѣ есть мученья,
Въ то мѣсто слезъ, печали и заботъ,
Гдѣ влита горечь въ кубокъ наслажденья,
И гдѣ змѣя подъ розами ползеть!“

„Въ моей груди любовь живетъ такая,
Что сводъ ее небесный не вмѣститъ;
Она затмитъ собой сіянье рая,—
Земной любви ничто не побѣдитъ.“

„Пусти меня туда, гдѣ есть мученья,
Въ то мѣсто слезъ, печали и заботъ,
Гдѣ влита горечь въ кубокъ наслажденья,
И гдѣ змѣя подъ розами ползеть!“

С. Головачевскій.

Додохьянъ

Ласточка

Пѣвунья-ласточка, открой,
Куда ты держишь путь?..
Летишь ты быстро надъ землей,
Не хочешь и взглянуть...

Ты въ Аштаракъ лети скорѣй,
Въ край сердцу дорогой!
Себѣ ты гнѣздышко тамъ свей
Подъ кровлею родной!

Тамъ мой отецъ-старикъ живетъ;
Тоскуетъ онъ одинъ...
И каждый день несчастный ждетъ:
Вернется милый сынъ!

Когда увидишь ты его,
Снеси ему привѣтъ!
Скажи, что сына своего
Онъ не дождется,—нѣтъ!..

Скажи, что горе я терплю
Средь чуждых мнѣ людей
И только слезы молча лью
Надъ участью своей.

Я увядаю здѣсь больной,—
Печалень, одинокъ,—
Какъ отъ земли своей родной
Оторванный цвѣтокъ.

Скажи ему, что для меня
Померкнулъ солнца свѣтъ,
И ночью спать не въ силахъ я,
И мнѣ покоя нѣтъ!..

Меня на чуждой сторонѣ
Могила пріютить...
О, пусть же память обо мнѣ
Отецъ мой сохранить!

Скорѣй же, птичка, улетай!
Прости, Господь съ тобой!
Лети туда, въ армянскій край,
Въ мой Аштаракъ родной!..

Юрій Веселовскій.

Ованнеъ Ованнисянъ

* * *

Умолкли навсегда время былыхъ народы,
Родились новые народы въ смѣну имъ;
И съ пальмой нѣжною зиждительной свободы
Склонилось счастье къ народамъ молодымъ.
И слава прадедовъ, забрезживши звѣздою,
Роняетъ имъ свой лучъ и свѣтомъ гонитъ зло;
И добытый трудомъ, печалью и борьбою,
Вѣнокъ безсмертія вѣнчаетъ ихъ чело,

Лишь только ты одна, Арменія родная,
Лежишь, какъ трупъ живой; мнѣ горестно взгля-
нуть:

Въ цѣпяхъ тоскуешь ты, прекрасный ликъ склоняя,
Разметана твоя истерзанная грудь.
Изъ-подъ твоихъ руинъ не глянетъ вѣтвью новой
Зеленый миртъ любви, спасенія символъ;
Возложенъ на тебя тоски вѣнецъ терновый,
Вѣнецъ нѣмыхъ скорбей и вѣковѣчныхъ золъ!

Но нѣтъ, ты не умрешь! Я вѣрю въ обновленье;
Оно должно притти,—оно къ тебѣ придетъ!
Во мракѣ вѣковомъ горитъ звѣзда спасенья;
Проснися, близокъ часъ, о родина,—онъ ждетъ!
Все то, что нѣкогда въ душѣ твоей боролось,
Пусть вспыхнетъ вновь! Воспрянь во прахѣ и
пыли!
Хоть полумертвая, услышь, подай свой голосъ,—
Твои сыны придутъ со всѣхъ концовъ земли!..

К. Бальмонтъ.

* * *

Моя душа, печально замирая,
Давно тоски, усталости полна;
И твой призывъ напрасенъ, дорогая,—
Не расцвѣтетъ въ душѣ моей весна!..

Не вѣрю я обманчивой надеждѣ,
И мнѣ чужда минувшая любовь...
Не привлекутъ мой скорбный духъ, какъ прежде,
Ея приманки сладостныя вновь!

Я мало зналъ чарующихъ мгновений,
Мнѣ страстныхъ грезъ не выпало въ удѣлъ...
Но я душой заснулъ для наслаждений
И, какъ старикъ, я сердцемъ охладѣлъ!..

Юрій Веселовскій.

Зернышко

Свѣтаетъ. Пора за работу!
Я выѣду въ поле съ сохой,
И землю прорѣжу, и зерна посѣю,—
Пусть спятъ до весны золотой.
И съ ними я горе зарюю...
Уснетъ—не проснется оно,
Какъ вешней порой просыпается къ жизни
Согрѣтое солнцемъ зерно.
Затеплю свѣчу предъ иконой
И буду я Бога молить:
На ниву послать благодатную влагу,
Отъ града ее сохранить.
Но, если ужъ милости Божьей
Не будетъ на долю мою,—
Я буду трудиться—и потомъ кровавымъ
Родимую ниву полью!..
Зрѣй, нива родная! Какъ волны,
Отъ вѣтра колосья вздымай,
И сердцу больному отъ горя отраду
Ты сладостнымъ шопотомъ дай!

Ив. Бьлоусовъ.

Смерть воина

Я гибну за тебя, отчизна дорогая,
И льется кровь моя горячею струей,
Святой твоей земли долину орошая...
Но пусть твои сыны не плачутъ надо мной!
На мой холодный прахъ да не прольются слезы!
Не сорная трава покроетъ кровь мою,
А розы выростутъ... украсятъ эти розы
Чело твоихъ сыновъ, прославленныхъ въ бою!

О, дай обнять тебя, отчизна дорогая!
Позволь обнять твою страдальческую грудь
И, вѣсти радостной всѣмъ сердцемъ ожидая,
Въ твоихъ объятіяхъ забыться и заснуть...
И пусть возстану я, судьбу благословляя,
Узрѣвъ свободы лучъ, сознаю всей душой,
Что для тебя одной, страна моя родная,
И жилъ я, и страдалъ, и жертвовалъ собой!..

Л. Уманецъ.

* * *

Не оставляй, пѣвецъ, отзывчивую лиру,
Чтобъ ржавчиной она покрылась навсегда!..
Ударивъ по струнамъ, повѣдай снова міру
О грезахъ пламенныхъ, какъ въ прежніе года!

О, пусть звучитъ та пѣснь безсмертная, святая,
Пусть въ сердцахъ братскую зажжетъ она любовь
И, чувства лучшія въ насъ мощно пробуждая,
О правдѣ и добрѣ напомнитъ людямъ вновь!

Не отдалятъ зимы послѣдніе морозы
Побѣду славную весенняго тепла:
Такъ пѣснь правдивую не заглушатъ угрозы
Упорнаго и гибельнаго зла!..

Юрій Веселовскій.

Два поцѣлуя

Пока бушуетъ кровь молодая
Горячей, пылкою струей,—
Цвѣтами радости играя,
Вся жизнь сулить намъ рай земной.
Любовь, нашъ пылкій духъ чаруя,
Лобзанье лживое дарить
И сладкимъ ядомъ поцѣлуя
Больное сердце усыпить...

Но мигъ придетъ... сомкнемъ мы вѣки,
Намъ ничего не будетъ жаль,
И скажемъ мы: „прости навѣки,
И радость жизни, и печаль“.
Тогда, о смерть, твой мигъ настанетъ!
Свое лобзанье намъ даруй!
Ужъ не измѣнить, не обманетъ
Холодной смерти поцѣлуй!..

Л. Уманецъ.

Весна

Все безмолвно въ несчастномъ краю,—
О, куда же идешь ты, весна?..
Кто оцѣнитъ здѣсь прелесть твою?..
Нѣтъ, напрасень приходъ твой, весна!

Всюду—мрака зловѣщаго гнетъ,
Обагрилася кровью страна...
Одну скорбь намъ принеси этотъ годъ!
О, куда же идешь ты, весна?..

Розы нѣтъ въ опустѣлыхъ садахъ,
Ночью трель соловья не слышна...
Въ сердцѣ—горе, мучительный страхъ...
О, куда же идешь ты, весна?..

Юрій Веселовскій.

Леонъ Мануэльянъ

Поэту

Ты будешь жить, поэтъ, среди страданій,
Что множатся чредою роковой,
Въ душѣ своей, изнывшей отъ терзаній,
Ты носишь язву скорби міровой.
Безскорбныхъ дней увидишь ты не много,
Отравлены заранѣе они,
Суровой жизни горе и тревога
Вплелись въ твои счастливейшіе дни!

Но для тебя настанетъ жизнь иная:
Стопою твердой ты пойдешь впередъ,
Стряхнувъ надеждъ неисполнимыхъ гнетъ,
Безплодно жизнь и міръ не проклиная.
Стремясь впередъ, ты станешь навсегда
Борцомъ добра и правды неустаннымъ,
Кому въ грядущемъ—свѣтломъ и желанномъ—
Затеплится спасенія звѣзда!...

О. Чюмина.

Тайственная ночь

Луна скользитъ стезей небесной,
Свершая вѣчный путь ночной,
И облака, толпою тѣсной,
Рѣзвясь, несутся за луной,
Ее съ улыбкой обступаютъ,
Кружась вокругъ ея лица,
Тѣснятся, страстно обнимаютъ,
Ее цѣлуютъ безъ конца.
Но, кончивъ путь, надъ темной бездной
Луна имъ говорить: „прости!“
И, покидая куполь звѣздный,
Съ вершины горъ спѣшить сойти.
И вотъ, лишенные отрады,
Вернулись спутники луны
И, въ небѣ загасивъ лампы,
Рыдаютъ, въ скорбь погружены.
И льется мракъ отъ нихъ могильный,—
Весь мiръ въ тревогѣ застоналъ,—
И потекли рѣкой обильной
Ихъ слезы вдоль угрюмыхъ скалъ.

С. Головачевскій.

* * *

Какъ мощный, бурный вихрь съ небесъ далекихъ
властно

Сгоняетъ облаковъ гнетущій, мрачный рядъ,
И чуть пронесся онъ,—ночное небо ясно,
И звѣзды чудныя сіяютъ и горятъ,—

Такъ изъ души моей ты гонишь, дорогая,
Всѣ мысли мрачныя, всю злобу навсегда,—
И, грезой дѣвственной мнѣ сердце очищая,
Горитъ твоя любовь, какъ яркая звѣзда!

Юрій Веселовскій.

Александръ Цатуріанъ

Ручей

Что ты плачешь, прозрачный, журчащій ручей?
Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,—
Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй
На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы!

И, свободный отъ тяжкихъ, холодныхъ оковъ,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,—
И на твой жизнерадостный, сладостный зовъ
Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
И застѣнчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
И безслѣдно растаютъ оковы зимы...
Что-жъ ты плачешь, скорбящій, звенящій ручей?
Что-жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной
тюрьмы?..

К. Бальмонтъ.

Печальная повѣсть

Тяжелый крестъ достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь!
Кому и страсть, и молодость, и волю—
Все отдала,—тотъ сталъ ея палачъ!

Некрасовъ.

I.

Невиннымъ ангеломъ въ нашъ мѣръ она вступила,
Небесные дары съ собою принесла;
Любовь и вѣру въ жизнь она въ себѣ таила,
Ихъ въ сердцѣ дѣвственномъ ревниво берегла...

И друга по сердцу нашла она,—и снова
Была надеждъ и грезъ душа ея полна!..
Его любить всю жизнь она была готова,
Всѣ мысли отдала избраннику она...

II.

Но, бѣдное дитя! не долго въ ней царила
Надежда бодрая, веселость прежнихъ дней!..
Ея не стоилъ тотъ, кого она любила,—
И участь горькую онъ приготовилъ ей!..

Погибло чистое созданье, свои грезы
Оплакавъ въ тишинѣ, съ разбитою душой...
Увяло навсегда,—какъ вянуть грустно розы,
Что смяты грязною, безжалостной рукой!!

Юрій Веселовскій.

Могучія пѣсни

Печальны наши дни, вся жизнь полна мученья,
И нѣтъ покоя намъ, нѣтъ радости вокругъ...
Тоскливо ноетъ грудь—и нѣтъ душѣ забвенья
Отъ скорби, отъ тоски, отъ безконечныхъ мукъ!
Надъ нами—сумракъ тучъ, и свѣтлой нѣтъ лазури,
И гибель впереди, и гнетъ лихой судьбы;
И намъ кругомъ грозятъ и ураганъ, и бури,
И цѣпи мы влачимъ, какъ жалкіе рабы.
Нѣтъ силъ... Душа скорбитъ, и горько льются
слезы,
Въ душѣ у насъ темно, и мрачно впереди,—
Въ душѣ надежды всѣ, желанія и грезы
Подавленные спятъ въ измученной груди!..

Печальны наши дни,—вся жизнь полна мученья,
Цѣпями, какъ рабы, мы связаны судьбой...
Проснись, пѣвецъ, воспрянь и, полонъ вдохновенья,
Намъ пѣснь могучую восторженно ты спой!
И славу дней былыхъ, и блескъ повѣдай міру,
Чтобъ смѣло прозвучалъ могучій гимнъ пѣвца,
Струнами звучными своей свободной лиры

Всесильно пробуждай заснувшія сердца!..
Да прозвучить опять та пѣсня вѣковая,
Завѣтный, мощный гимнъ и дѣдовъ, и отцовъ,
Что въ бурѣ битвъ звучалъ, сердца одушевляя,
И лаврами вѣнчалъ отважныхъ храбрецовъ!..

О, пой, пѣвецъ, и пѣснь восторгомъ вдохновенья
Разсѣтъ прежній мракъ изъ дремлющихъ сердецъ,
Вернетъ надежды намъ и свѣтлыя стремленья,—
Святой, могучій гимнъ о пой намъ, пой, пѣвецъ!..
Пусть пѣсни смѣлыя страну мою, какъ море,
Волнуютъ бурей и хоть на мигъ дадутъ
Забыть тернистый путь страданія и горя,
И къ возрожденію, и къ жизни насъ ведутъ!..
Печальны наши дни, вся жизнь полна мученья;
Цѣпями, какъ рабы, мы связаны судьбой..
Проснись, пѣвецъ, воспрянь и, полонъ вдохновенья,
Намъ пѣснь могучую восторженно ты спой!..

Л. Уманецъ.

Пѣсня и металлъ

Поэтъ посвятилъ свою пѣсню тебѣ, —
Богачъ тебѣ золота дать обѣщаль...
Поэтъ называлъ тебя „жизнью своей“, —
Богачъ же „красавицей“ только назваль...

„Дай руку твою!“ такъ шепнулъ онъ тебѣ,
„И это богатство—все будетъ твоимъ!“
Поэтъ только плакалъ, въ тоскѣ, предъ тобой,
Несчастной любовью своею томимъ...

И, жизни роскошной, безпечной дитя,
Ты къ пѣснѣ любви равнодушна была, —
Но тусклый металла прельстилъ тебя блескъ,
И сердце ты въ жертву ему принесла!..

Юрій Веселовскій.

Въ ея альбомъ

Я безмолвно люблюсь красою твоей,
Полонъ радостныхъ думъ, свѣтлыхъ грезъ о любви.
Я ловлю чудный взоръ твоихъ ясныхъ очей,—
И трепещетъ душа, какъ въ минувшіе дни...

Точно въ нѣжномъ, ласкающемъ взорѣ твоемъ
Улыбается мнѣ новой жизни весна,
И проснулась любовь въ моемъ сердцѣ больномъ,
И холодную грудь вновь согрѣла она.

Точно вижу я свѣтлый, чарующій сонъ:
Новый міръ, полный счастья, открытъ предо мной,
И, отвѣтной любовью твоей упоенъ,
Я живу, я дышу—для тебя лишь одной!..

О, придетъ ли когда мигъ желанный любви?!
Дашь ли волю ты мнѣ свои грезы излить?
И любви поцѣлуй суждено ли, скажи,
Съ этихъ розовыхъ губъ мнѣ въ отвѣтъ получить?!

Юрій Веселовскій.

* * *

Не я пою... Въ моихъ печальныхъ пѣснопѣннѣяхъ
Страдалецъ, злой судьбой безжалостно гонимъ,
Тоскуеть предъ людьми и о своихъ мученьяхъ,
О ранахъ сердца онъ рассказываетъ имъ.

Не я пою... Стиховъ страдальческіе звуки
Мой братъ тоскующій, измученный поетъ;
Въ нихъ вздохи слышатся многовѣковой муки, —
То о судьбѣ своей рыдаетъ мой народъ!

Не я пою... Въ стихахъ—печаль и горе міра;
Скорбятъ невинныя, святѣя жертвы зла...
Приносить жалобы страдальческая лира
Правдивымъ небесамъ на темныя дѣла.

Когда настанетъ день—великій день спасенья,—
Погибнетъ страшное, губительное зло,
Благословимъ судьбу и міра возрожденъе,
И новая заря заблещетъ намъ свѣтло;

Когда погибнетъ духъ вражды и угнетенья,—
Какъ злой, безсильный рабъ, онъ будетъ угне-
тень,—

И крикомъ радостнымъ всеобщаго спасенья
Навѣки заглушенъ цѣпей тяжелыхъ звонъ,—

Въ объятіяхъ любви забудемъ всѣ невзгоды,
Изъ міра злой Ваалъ исчезнетъ, наконецъ,
Любовью братскою проникнутся народы,
И небеса пошлютъ побѣдный ей вѣнецъ,—

Тогда,—тогда изъ устъ угрюмаго поэта
Полетѣтъ пѣснь любви и радости живой;
Та пѣснь, огнемъ любви божественной согрѣта,
Весельемъ зазвучитъ, не прежнею тоской!

Тогда,—тогда пѣвецъ, веселый и свободный,
Все то, что прежде онъ въ мечтахъ лишь созер-
цалъ,
Вамъ будетъ воспѣвать,—великій, благородный,
И братства, и любви всемірный идеаль!..

Л. Уманецъ.

Двѣ ночи

I.

То было волшебною ночью...
Душа была счастья полна,
И въ пѣсняхъ моихъ отражалась
Любви молодая весна...

То было весенней порою...
Все жизнью дышало кругомъ...
И мѣсяцъ дарилъ насъ улыбкой,
На небѣ сіяя ночномъ.

И, взоръ на меня устремляя,
Полна беззавѣтной любви,
Мнѣ дѣвушка милая нѣжно
Шептала признанья свои...

II.

Тоскливая ночь наступила...
Мнѣ грустно... душа холодна...
Не свѣтятъ мнѣ ясныя звѣзды,
Улыбки не шлетъ мнѣ луна!

Глубокая осень... Тоскою
Объята душа моя вновь...
Страдаетъ несчастное сердце;
Какъ сонъ, промелькнула любовь!

Въ саду опустѣвшемъ блуждаю
Одинъ я, печалью томимъ,
О прошломъ грущу—и рыдаю
Надъ счастьемъ разбитымъ своимъ...

Юрій Веселовскій.

Поэту

Не презирай, поэтъ, толпы непросвѣщенной!
Какъ властелинъ-орелъ, ты не пари надъ ней!
Ея холодностью томимый, возмущенный,
 Не упрекай измученныхъ людей!

Въ чемъ ты винишь толпу? Да, не понять ей вѣчно,
Что въ пѣсняхъ искреннихъ ты выразить хотѣлъ...
О розахъ, о любви ты ей поешь безопасно,
 Одни шипы—страдалицы удѣлъ!

Поэтъ! Не для нея—чарующая лира,
Восторженной души не ясенъ ей порывъ...
Въ заоблачныхъ мірахъ, средь чистаго ээира,
 Витаешь ты, о жизни забывъ!..

Толпа—дитя земли... Она такъ жаждетъ свѣта,
Трудясь въ поту лица, подвержена нуждѣ,
И мощныхъ звуковъ ждетъ напрасно отъ поэта...
 О, спой же пѣснь о честномъ ей трудѣ!

О свѣтѣ разума пой людямъ неизмѣнно!
Наставникъ, другъ толпы, ты правду ей вѣщай!

Пируй за трапезой съ ней общей,—и надменно
Отъ ранъ ея очей не отвращай!

Дѣли съ ней радость, скорбь,—все, что дано судь-
бою,

Ей руку помощи по-братски протяни!
Дай силу ей къ борьбѣ съ невѣжествомъ и тьмою
И жизнь въ нее ты пѣснями вдохни!

О вѣрь! тогда любви добьешься ты народной,
И, благодарности восторженной полна,
Сплететь тебѣ вѣнокъ за твой призывъ свобод-
ный
И памятникъ воздвигнетъ—вся страна!

Юрій Веселовскій.

Д е р е н ц ь

Арменія

О, край, обреченный на скорбь и страданье!
Что будетъ съ тобою въ грядущіе дни?..
Куда ты стремишься? Какое призванье
Тебя подкрѣпляетъ на трудномъ пути? .

Быть можетъ, гонимый жестокой судьбою,
Объ участи свѣтлой забылъ ты мечтать,
И, цѣли не видя вдали предъ собою,
Ты смерти спокойно привыкъ ожидать?

О, нѣтъ! Ты исполненъ надежды прекрасной,
Ты къ свѣту стремишься, готовъ ты къ борьбѣ...
Но, къ тяжкимъ страданьямъ твоимъ безучаст-
ный,
Твой сынъ не приходитъ на помощь къ тебѣ!..

Юрій Веселовскій.

* * *

Печальная звѣзда, небесное свѣтило!
Сіяешь грустно ты, вдали отъ звѣздъ другихъ...
И свѣтомъ трепетнымъ ты небо озарила,
Какъ пламя маяка средь бурныхъ волнъ мор-
скихъ...

О чемъ твоя печаль, краса волшебной ночи?
На гордой высотѣ тоскуешь ты одна...
Иль думы грустныя тебѣ туманятъ очи,
И тайныхъ, жгучихъ мукъ душа твоя полна?

Быть можетъ, ты грустишь, подругъ себѣ не зная,
Подъ гнетомъ облаковъ ты молча слезы льешь,—
Иль муки новыя шлетъ грозно тьма ночная,
Для страждущихъ людей ты утра, свѣта ждешь?

Нѣтъ! полюбила ты свой жребій одинокій,
Холодныхъ, горькихъ слезъ безмолвную печаль.
Тебя ласкаетъ ночь, лелѣетъ мракъ глубокой,
Измученной земли красавицѣ не жаль!..

Но ты скорбишь о томъ, что вѣчное движенье
Въ небесной вышинѣ—удѣлъ печальный твой,
Безъ цѣли впереди... безъ вѣры въ избавленья...
И тщетно смерть зовешь ты съ пламенной моль-
бой...

Юрій Веселовскій.

* * *

Да, милая, теперь мы счастливы съ тобой!
Мы чудныхъ благъ любви не лишены судьбой!
Покоемъ сладостнымъ я упиваюсь жадно;
Насъ манить отдыхъ вновь, забвенье такъ от-
радно...

И замерла душа въ блаженномъ, мирномъ снѣ,
Какъ будто ангеламъ внимая въ тишинѣ...
Все предвѣщаетъ намъ чарующіе дни,
Все нѣжно шепчетъ вновь о жизни и любви!..

Да, милая, вполне мы счастливы теперь!..
... Мы счастливы?! О, нѣтъ! то звукъ пустой, по-
вѣрь!

Въ твоихъ очахъ слеза въ минуту наслажденья
Попрежнему блеститъ!.. А я... мой мученья
Давно ужъ начались!.. Взгляни: а тамъ, кругомъ—
Все сковано нуждой, пороками и зломъ...
Страдаютъ братья... Нѣтъ! средь общихъ мукъ,
скорбей

На счастье личное нѣтъ права у людей!..

Юрій Веселовскій.

Отрывокъ изъ поэмы „Крестьянинъ“

О, сынъ Арменіи, несчастный, угнетенный!
Ты много горя перенесъ!..
Какъ мученикъ, какъ рабъ, въ темницу заклю-
ченый,
Ты проливаешь море слезъ.

Съ согбенною спиной, съ понурой головою
Ты трудишься весь день.
Ты землю оросишь кровавою слезою,—
А впереди... хотя бы счастья тѣнь!..

Когда, съ косою въ рукахъ, ты безоруженъ въ
полѣ,
Тебя терзаетъ курдъ, мечомъ своимъ губя;
И дома, средь семьи, въ твоей несчастной долѣ,—
Злой курдъ и тамъ преслѣдуетъ тебя!

Кругомъ—гоненія... кругомъ—грабежъ, угрозы...
Ты одинокъ въ страданіяхъ своихъ;
Другіе же тебѣ приносятъ скорбь и слезы,
И трудишься ты вѣчно для другихъ...

Свобода,—этотъ даръ великій и отрадный,—
Не каждому ли онъ самой природой данъ?
Но врагъ лихой, коварный, беспощадный
Свободу, жизнь отнять стремится у армянъ...

И не твоя теперь—земля твоя родная!
Твое имѣніе—не ты владѣешь имъ!..
И для другихъ ты трудишься, страдая,
И самъ ты—жалкій рабъ, ограбленъ и гонимъ...

День ото дня ты ждешь, страдаешь годъ отъ го-
ду...

Покоя ты лишень... ты ждешь изъ вѣка въ вѣкъ,
Когда судьба пошлетъ желанную свободу,
И скажешь ты тогда: „Я—тоже человѣкъ!“

Л. Уманецъ.

* * *

Не пытайтесь узнать, оттого ли порой
Я грущу, что подавленъ я тяжелой судьбой,
Что безслѣдно прошла моей жизни весна...
О, душа моя скорби давно ужъ полна...

Давно неразлучны со мною
Печальные думы и сны...
Тоски были ранніе годы
Безрадостной жизни полны.

Въ странѣ, гдѣ невиннаго дѣтства
Завѣтные, лучшіе дни
Промчались, какъ вѣтра дыханье,
Какъ сонъ мимолетный, прошли—

У матери, въ домикѣ скромномъ,
Въ уютной кроваткѣ моей
Все снилось мнѣ, цѣлыя ночи,
Страданье и горе людей...

Я помню,—разъ, ночью безсонной,
Я что-то безсвязно шепталъ,

И часто изъ устъ моихъ дѣтскихъ
Подавленный вздохъ вылеталъ...

Безъ сна ты сидѣла, родная...
Ты мирныхъ не вѣдала грезъ!
О, мама! какъ много страданій,
Какъ много мучительныхъ слезъ

Ты чуткой душой отгадала
Въ моей безотрадной судьбѣ!
И слышались грустные вздохи
Въ безмолвныя ночи тебѣ...

Иль, бурѣ унылой внимая,
Подъ вѣтра томительный вой,
Ты слезы свои осушала
Дрожащею, слабой рукой...

Увидѣлъ я влажныя очи...
Я тоже, родная, не спалъ,
И самъ свои дѣтскія слезы
Я втайнѣ давно утиралъ!

„О, мама!“ теряя терпѣнье,
Шепнулъ я, — „скажи мнѣ, открой,
Зачѣмъ есть страданья на свѣтѣ,
И горе... и слезы порой?..“

Вотъ встала родная, въ тревогѣ,
Къ кроваткѣ моей подошла,

Нагнулась,—но лепетомъ соннымъ
Она мои рѣчи сочла!..

Все тихо въ избушкѣ... Лампада
Роняетъ свой трепетный свѣтъ...
Лишь слышатся звуки рыданій
На дѣтское горе въ отвѣтъ...

„О, мама! заснуть я не въ силахъ!..
Душа моя грусти полна!..“
Но мать мои рѣчи считаетъ
Лишь отзвукомъ страшнаго сна...

Зачѣмъ же ты горькія слезы
Въ ту ночь надо мной пролила?!..
О, счастье твое, что мой лепетъ
Лишь бредомъ во снѣ ты сочла!

Но нѣтъ! въ немъ тогда ужъ таилось
Предчувствіе сумрачныхъ дней,
Тяжелыхъ заботъ и страданій,
И горестной жизни моей!..

Я помню,—всю ночь, до разсвѣта,
Не могъ я тогда задремать,
И молча сидѣла со мною,
Въ слезахъ, моя бѣдная мать...

Попрежнему мирно лампада
Роняла свой трепетный свѣтъ,—

И слышались звуки рыданій
На дѣтское горе въ отвѣтъ...

Не пытайтесь узнать, оттого ли порой
Я грущу, что подавленъ я тяжкой судьбой,
Что безслѣдно прошла моей жизни весна...
Нѣтъ, душа моя скорби давно ужъ полна!..

Юрій Веселовскій.

* * *

Я безъ слезъ неутѣшно и горько рыдалъ...
Я свой плачь затаилъ въ изможденной груди,
Въ грустномъ сердцѣ я вздохъ безотраднѣй скрывалъ,
Чтобы, видя горячія слезы мои,
Про тоску мою свѣтъ не узналъ!..

Я безъ слезъ неутѣшно и горько рыдалъ...
Были смутной тоски мои мысли полны...
Рой томительныхъ думъ меня злобно терзалъ...
Такъ къ суровой скалѣ изъ морской глубины
Подползаетъ разгнѣванный валъ.

Я безъ слезъ неутѣшно и горько рыдалъ...
Съ омраченнымъ челомъ, съ горькимъ смѣхомъ
порой
Среди шумной толпы, словно тѣнь, я блуждалъ,
И страданья души моей грустной, больной
Скрыть отъ взоровъ людскихъ я мечталъ.

Но не могъ утаить я мученій души,
И вопросомъ однимъ всѣ встрѣчали меня:
„Отчего ты грустишь? жизнь и міръ—хороши!
Посмотри: велика, необъятна земля!..
Что же грудь твою давить,—скажи?..“

Юрій Веселовскій

Ихъ судьба

Ихъ связала любовь,—и вся жизнь съ того дня,
Вся судьба у нихъ общей была.
И въ безстрашной за дѣло святое борьбѣ,
Рука объ руку, смерть ихъ нашла...

Погубила ихъ смерть беспощадной косою
И въ могильную тьму увлекла...
Но въ холодной землѣ они вмѣстѣ легли,—
Ихъ и смерть разлучить не могла!

А затѣмъ... прошли годы... Два красныхъ цвѣтка
Надъ ихъ общей могилой растутъ.
Двѣ безпечныя птички весенней порой
Сладко пѣсно надъ ними поютъ...
А ихъ тяжкая доля и подвигъ святой
Неразрывно въ народѣ живутъ!..

Юрій Веселовскій.

Ованнеъ Туманьянъ

Ахтамаръ

(Народная легенда)

Каждой ночью къ водамъ Вана *)
Кто-то съ берега идетъ
И безъ лодки средь тумана
Смѣло къ острову плыветъ;

Онъ могучими плечами
Разсѣкаетъ лоно водъ,
Привлекаемый лучами,
Что маякъ далекій шлетъ.

Вкругъ потокъ, шипя, крутится,
За пловцомъ бѣжитъ вослѣдъ,
Но безстрашный не боится
Ни опасностей, ни бѣдъ.

*) Т.-е. Ванскаго озера. Посреди этого озера находится островъ „Ахтамаръ“ съ монастыремъ того же имени.

Что ему угрозы ночи,
Пѣна, волны, вѣтеръ, мракъ?
Точно любящія очи,
Передъ нимъ горитъ маякъ!

Каждой ночью искры свѣта
Манятъ лаской тайныхъ чаръ;
Каждой ночью, тьмой одѣта,
Ждетъ его къ себѣ Тамаръ *).

И могучими плечами
Бороздитъ онъ лоно водъ,
Привлекаемый лучами,
Что маякъ далекій шлетъ.

Онъ плыветъ навстрѣчу счастью,
Смѣло борется съ волной.
А Тамаръ, объята страстью,
Ждетъ его во тьмѣ ночной.

Не напрасны ожиданья...
Ближе, ближе... вотъ и онъ!
Мигъ блаженства! Мигъ свиданья!
Сладкихъ таинствъ райскій сонъ!

Тихо. Только волны плещутъ,
Только, полны чистыхъ чаръ,

*) „Тамаръ“—армянская форма женскаго имени Тамара.

Звѣзды ропшутъ и трепещутъ
За безстыдную Тамаръ.

И опять къ пучинамъ Ваа
Кто-то съ берега идетъ
И безъ лодки средь тумана
Вдаль отъ острова плыветъ.

И со страхомъ остается
Надъ водой Тамаръ одна,
Смотритъ, слушаетъ, какъ бьется
Разъяренная волна.

Завтра— снова ожиданья,
Такъ же искрится маякъ,
Тотъ же чудный мигъ свиданья,
Тѣ же ласки, тотъ же мракъ.

Но развѣдалъ врагъ жестокий
Тайну любящихъ сердецъ:
Быль погашенъ свѣтъ далекий,
Тьмой застигнутъ былъ пловецъ.

Растоптали люди злые
Ярко блестящій костеръ,
Небеса молчатъ ночныя,
Тщетно свѣта ищетъ взоръ.

Не заискрится, какъ прежде,
Маяка привѣтъ родной,—

И въ обманчивой надеждѣ
Бьется, бьется онъ съ волной.

Вѣтеръ шепчетъ непонятно,
Надъ водой клубится парь,—
И вздыхаетъ еле внятно
Слабый возгласъ: „Ахъ, Тамарь!“

Звуки плача, звуки смѣха...
Волны ластятся къ скалѣ,
И, какъ гаснущее эхо,
„Ахъ, Тамарь!“ звучить во мглѣ.

На разсвѣтѣ встали волны
И примчали блѣдный трупъ,
И застылъ упрекъ безмолвный:
„Ахъ, Тамарь!“ средь мертвыхъ губъ.

Съ той поры минули годы,
Островъ полонъ прежнихъ чаръ,
Мрачно смотритъ онъ на воды
И зовется „Ахтамарь“.

К. Бальмонтъ.

Двѣ тучки *)

Съ зеленаго трона спокойной вершины
Поднявшись тревожно въ темнѣющій сводъ,
Гонимыя бурей, по краю стремнины
Двѣ тучки печальныя мчались впередъ.

* * *

Но даже и буря, въ порывѣ жестокомъ,
Одну отъ другой оторвать не могла,—
Хоть злобой дышала и въ небѣ широкомъ
Ихъ, съ мѣста на мѣсто бросая, гнала.

* * *

И вмѣстѣ, все дальше, по темной лазури,
Прижавшись другъ къ другу, въ безбрежную высь,
Гонимыя злобнымъ дыханіемъ бури,
Двѣ тучки, двѣ грустныя тучки неслись.

Иванъ-да-Марья.

*) Изъ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, 1901 г., декабрь.

Лампада Григорія Просвѣтителя

(НАРОДНОЕ ПРВДАНІЕ)

Лишь ночь обниметь небосклонъ,
Лампады свѣтъ неугасимый
Заблещетъ ярко,—озаренъ
Имъ край Арменіи родимой!

Гдѣ Арагацъ, престоль-гора,
Возноситъ черныя громады,
Она повисла безъ шнура,
Весь міръ ласкаетъ лучъ лампы...

Она сіяетъ звѣздъ свѣтлѣй
На высотахъ недостижимыхъ;
Слеза святителя—елей
Ея лучей неугасимыхъ...

И вихрь, что мчится надъ землею,
Не властенъ лучъ ея порвать,
И человѣческой рукою
Лампады чудной не достать!

Пусть мракъ нависъ съ зловѣщимъ воємъ,
Странѣ родимой смерть тая,
Пусть содрогнулась передъ боемъ
Душа ничтожная твоя:

Кто не смыкалъ позорно вѣжды,
Но, вѣрой движимый одной,
Взиралъ, исполненный надежды,
Въ судьбу Арменіи родной,—

Увидить надъ собой, высоко,
Висящій надъ землею свѣтъ,
И землю охранить отъ бѣдъ
То свѣтлое, Господне око!..

Эллисъ.

* * *

Съ горныхъ высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни онъ бьется,
И журчитъ, и ворчитъ, и смѣется,
И звенитъ подъ сяньемъ лучей.

Сочетанію радостныхъ звуковъ
Лѣсъ кругомъ слабый отзвукъ даетъ;
Такъ старикъ еле внятно поетъ,
Слыша звонкое пѣніе внуковъ.

Но безмолвствуетъ вѣчный утесъ;
Наклонившись громадой угрюмой,
Онъ охваченъ загадочной думой,
Онъ исполненъ невѣдомыхъ грезъ...

К. Бальмонтъ.

Передъ картиной Айвазовскаго *)

Волны тяжелыя вдоль океана
Съ ревомъ вздымались, громады живыя...
Въ пѣнѣ ихъ клубы густого тумана
Мрачно вились... Бушевала стихія
Въ сферѣ своей безконечной—
И безпредѣльной, и вѣчной!

* * *

— Стойте!—воскликнулъ бушующимъ волнамъ,
Съ кистью въ рукѣ, ихъ маэстро великій...
Голосу генія вняли покорно
Темныя волны—и, въ ярости дикой,
Вотъ за волною волна
Дышитъ грозой съ полотна.

Иванъ-да-Марья.

*) Изъ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, 1902 г., январь.

* * *

Когда въ послѣдній мигъ, въ тяжелый мигъ про-
щальный,
Увижу я твой взоръ, унылый и печальный,
При видѣ слезъ твоихъ, въ сердечной глубинѣ
Пойму, что всей душой горюешь обо мнѣ...

И, если буду знать, что обо мнѣ душою
Ты будешь тосковать, разставшись со мною,—
Любовью нашею, мой другъ, тебѣ клянусь,
Спокойно я умру: я смерти не боюсь!

Когда услышу я изъ сумрака могилы
Твои рыданія и голосъ твой унылый,—
Утѣшусь я тогда въ моемъ могильномъ снѣ,
Что любишь ты меня, что помнишь обо мнѣ.

Л. Уманецъ.

Аветисъ Исаакьянъ

* * *

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомленъ.
Моей душой, безгрѣшной, непорочной,
Владѣеть дивный и великій сонъ.

Лазурнокрылый ангелъ въ небѣ рѣетъ,
На землю дѣва сходить, и она
Дыханьемъ звѣздъ, лобзаньемъ неба свѣетъ
Съ моей души ночныя чары сна.

И день, и ночь ея прихода жду я,—
Вотъ-вотъ она покинетъ небосклонъ,
Разсвѣтъ ночь души—и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вѣщій сонъ!

Ив. Бунинъ.

* * *

На крылахъ орлиныхъ, словно вѣтеръ горный,
Чуть коснувшись тучекъ, я въ просторъ умчусь,
Какъ въ лѣсу осеннемъ ручеекъ проворный,
Обнимая листья, я исчезнуть рвусь!

Вянетъ жизнь былая, упорхнули грезы,
Какъ пернатыхъ стая въ теплые края;
Только смѣхъ у милой пробудили слезы...
Сонъ любви оплачу—и исчезну я!

Слышишь эти пѣсни?.. въ нихъ весна и розы,
Въ нихъ волненье жизни, чары бытія!..
Поздно... спѣта пѣсня... и напрасны слезы...
Я прощуся съ полемъ—и исчезну я!..

Элизъ.

* * *

Была душа моя мрачна,
И обнялъ душу сонъ суровый,—
Мнѣ смерть на плахѣ суждена,
Надъ головой—вѣнецъ терновый!

Мои слова—огонь и млатъ,
Сердца дробятъ и сокрушаютъ!..
Мои слова—огонь и млатъ,
Вокругъ меня сердца пылаютъ!

Меня влекутъ на эшафотъ...
Торчатъ кругомъ штыки сурово...
За мной безгласно чернь идетъ,—
Въ комъ духъ угасъ, чье праздно слово!

Вотъ я взошолъ на эшафотъ...
Вѣнецъ надъ головою блещетъ,
И обезумѣвшій народъ
Вокругъ въ смятении трепещетъ!..

Эмись.

Пахарь

Кончи трудъ, мой милый пахарь,
Потъ съ лица отри рукой,
Скинь ярмо съ воловъ усталыхъ,
И спѣши скорѣй домой.

Приготовила я ужинъ,
И постель ужъ постлана...
Поспѣши скорѣй, мой соколъ,—
Ждетъ тебя твоя жена.

Подъ навѣсомъ, въ холодочкѣ
Отдохнешь ты отъ трудовъ,
И луна свѣтитъ намъ будетъ
Сквозь прозрачныхъ облаковъ.

Ты усталъ!.. Покрыла землю
Лѣтней ночи пелена.
Поспѣши,—остынетъ ужинъ,
И постель ужъ постлана!..

Ив. Блюсовъ.

Зима

Ночь сурово молчитъ...
Блещетъ въ небѣ созвѣздій безчисленныхъ хоръ,
Отражается мѣсяцъ на выступахъ горъ,
И въ сіяніи лунномъ ихъ снѣжный уборъ,
Какъ въ алмазахъ, горитъ.

Вѣтеръ злобно реветъ,
Расправляетъ онъ крылья подобно орлу,
Тяжко дышитъ и мчится сквозь бурную мглу,
Вихри снѣгъ поднимаютъ, заносятъ скалу,
Вьюга хлопьями бьетъ.

Я иду все впередъ,
Но не знаю куда,—безконеченъ мой путь;
Всюду холодъ, зима...
О, склонюсь ли я къ другу, усталый, на грудь?
Всюду вѣтеръ и тьма...
О, когда бы надежда могла мнѣ блеснуть,
Озаряя мой путь!

С. Головачевскій.

* * *

Туманъ распростеръ свои крылья,
Окуталъ безбрежное море...
А душу мою, точно коршунъ,
Терзаетъ безжалостно горе...

О мать моя, скоро въ пучинѣ,
Подъ рокотъ прибоя морского,
Найду я для сердца отраду,
Избавлюсь отъ коршуна злого!

И вынесетъ трупъ мой изъ бездны
На берегъ скалистый приливомъ...
Тамъ буду лежать я безмолвно,—
Безмолвно, въ забвеньи счастливомъ...

Юрій Веселовскій.

Гев. Алишанъ

Хразданъ

О ты, Хразданъ, рѣка родная,
О сладководная рѣка!
Скитался я, вдали блуждая,—
Къ тебѣ пришелъ издалека.
 Хразданъ, Хразданъ,—родныя воды!
 Ты плачешь въ часъ лихой невзгоды!
Ужель меня вы не узнали,
Родныя волны, край родной?!
Подъ гнетомъ горя и печали
Вашъ скорбный стонъ звучитъ тоской...
 Хразданъ, Хразданъ,—родныя воды!
 Ты плачешь въ часъ лихой невзгоды!
Гдѣ наши нива и дубравы?
Гдѣ домъ родной? Гдѣ милый садъ?
Ужъ нѣтъ былой, погибшей славы!
Иль васъ унесъ и вихрь, и градъ?..
 Хразданъ, Хразданъ,—родныя воды!
 Ты плачешь въ часъ лихой невзгоды!

Гдѣ свѣтъ очей моихъ—Хантука?..
Гдѣ вѣрный другъ? Гдѣ ты? гдѣ онъ?
Въ плѣну-ль у персовъ ждетъ васъ мука,
Иль васъ объялъ могильный сонъ?!
Хразданъ, Хразданъ,—родныя воды!
Ты плачешь въ часъ лихой невзгоды!
Разорена страна родная,—
И ты бѣжишь, бѣжишь, Хразданъ,
Уныло слезы проливая,—
Бѣжишь въ предѣлы дальнихъ странъ!
Бѣги, Хразданъ, струясь привольно!..
Мнѣ горькихъ слезъ моихъ довольно!..

Л. Уманецъ.

Изъ поэмы „Аварайрскій соловей“

Скажи мнѣ, о луна, зачѣмъ такъ безмятежно
Плывешь по небу ты и освѣщаешь нѣжно
Заснувшія поля и горъ далекихъ склонъ,
И старца бѣднаго, что въ думы погруженъ,—
Блуждая въ часъ ночной на Аварайрскомъ полѣ,—
О подвигахъ армянъ и ихъ завидной долѣ?..

Иль хочешь ты спустить блистающій покровъ
Изъ трепетныхъ лучей на прахъ святыхъ бор-
цовъ,
И ясный, чистый ликъ, какъ нѣжнымъ покрыва-
ломъ,
Отъ крови ихъ святой украсить блескомъ алымъ?
Иль вспоминаешь ты о мужествѣ армянъ,
О томъ, какъ въ битвѣ палъ великій нашъ Вар-
данъ,
Что, въ грозный бой вступивъ съ врагомъ родного
края,
Нашелъ покой душѣ въ селеньяхъ вѣчныхъ рая?.

А ты, рѣка Тыгмутъ, борцовъ великихъ кровь
Принявшая въ себя,—ты словно плачешь вновь.

Ты, нѣжный вѣтерокъ, гонецъ съ крутого ската
Сѣдой горы Маку иль старца-Арарата,
Ты самъ, подобно мнѣ, колеблешься, дрожишь,
На слабыхъ крыльяхъ ты съ вершины горъ ле-
тишь,

Черезъ холмы, поля, безмолвныя дубравы,
Туда, гдѣ все полно минувшей, громкой славы,
Чтобъ разнести мой вздохъ, повѣдать грусть мою
И братьямъ рассказать о томъ, какъ я скорблю...

А ты, влюбленныхъ другъ, пѣвецъ надежды страст-
ной,
Что гимнъ любви поешь предъ розою прекрасной,
Волшебный голосъ твой съ моимъ напѣвомъ слей,—
И смерть святыхъ борцовъ прославь, о соловей!..

Юрій Веселовскій.

Сер. Гекимьянъ

Красота

Красота была цвѣткомъ,
И, въ глуши укрытый,
Онъ расцвѣлъ надъ ручейкомъ,
Всѣми позабытый.

Шла Любовь восхищена:
— Для меня цвѣти ты!—
Онъ же:—Слишкомъ ты юна,
Мимо проходи ты!—

Шелъ мудрецъ; въ своей мечтѣ,
Чуждой достиженья,
Наблюдалъ онъ въ высотѣ
Вѣчныхъ звѣздъ движенье.

Ѣхалъ знатный: не взглянулъ
Въ сторону бѣдняги.
И съ кудрей цвѣтка стряхнулъ
Вѣтеръ капли влаги.

Увидалъ богачъ цвѣтокъ,
Но—непостоянный—
Тутъ же бросилъ лепестокъ
Онъ благоуханный.

А цвѣтокъ груститъ, что вновь
Не проходитъ здѣсь Любовь.

О. Чюмина.

* * *

Какъ волны грозныя, какъ пѣнистыя волны,
Что разбиваются о кручи темныхъ горъ,
Колышатъ озеро до дна и, гнѣва полны,
Зеркальный, голубой мутятъ его просторъ,

Такъ и мечты мои, гонимы бурей страсти,
Миръ духа моего тревожатъ и мутятъ,
А мысль, мысль страшная о нашемъ зломъ не-
счастьи
Томить мнѣ скорбью грудь и омрачаетъ взглядъ...

Не разъ въ мгновенья тѣ, ужасныя мгновенья,
Искалъ и звалъ я смерть, чтобъ прекратить му-
ченья,—
Но отчего ее я все же прогонялъ?

Смерть гналъ я оттого, что въ ужасѣ страданья,
Казалось, слышалъ я, мой другъ, твои рыданья
И слезы горькія твои я вспоминалъ.

И. Гриневская.

Хоренъ Наръ-Бей (Галфаянъ)

Первые ростки

Едва лишь лучи золотые
Прорвали туманы густые,
Едва лишь, растаявъ, сошли
Снѣга съ пробужденной земли,
Какъ вы ужъ надежды земныя
Дарите намъ, выйдя на свѣтъ,
Ростки молодые,
Привѣтъ вамъ, привѣтъ!
На нивѣ холодной и голой
Нѣтъ ласточекъ стаи веселой
И сладкіе гимны любви
Еще не поютъ соловьи.
Вы-жъ, вѣстники счастья живые,
Несете намъ радость и свѣтъ.
Ростки молодые,
Привѣтъ вамъ, привѣтъ!

Убора зеленого краски,
 Вашъ образъ, исполненный ласки,
 На солнцѣ нарядно горятъ,
 Чаруютъ и нѣжатъ нашъ взглядъ;
 И думы, печально больныя,
 Найдутъ исцѣленье отъ бѣдъ.

Ростки молодые,

Привѣтъ вамъ, привѣтъ!

Придите, придите въ весельи,
 Блесните въ утрюмомъ ущельи,
 Раскиньте зеленый покровъ
 На вѣтви родимыхъ деревь,
 Гоните печали земныя,
 Даруйте природѣ расцвѣтъ!

Ростки молодые,

Привѣтъ вамъ, привѣтъ!

Какъ утро плѣнительной грезы,
 Встрѣчайте весеннія розы,
 Зовите зефиры скорѣй
 Рѣзвиться у вашихъ кудрей!
 Зовите цвѣты полевые!
 Мы ждемъ ихъ улыбки живыя!
 Безъ нихъ намъ веселія нѣтъ.

Ростки молодые,

Привѣтъ вамъ, привѣтъ!

Придите, о листья, придите,
 На крыльяхъ надежды спѣшите!
 Покройте одеждой своей
 Могилы намъ близкихъ друзей!

Душистой росой залитые,
Вънчайте въ прахъ, о листы!
Ростки молодые!
О крылья мечты!

С. Головачевскій.

Мкртичъ Бешикташлянъ

Зейтунскій армянинъ

Нависъ утесъ надъ кручей горь...
Тамъ блѣдный юноша сидитъ.
По скаламъ вдумчиво скользитъ
Его угрюмый, мрачный взоръ.
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?

„Иль хочешь ты, чтобъ синій валъ
Тебѣ на сумрачныхъ волнахъ,
Какъ на грохочущихъ струнахъ,
Свою мелодію сыгралъ?
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?

„Иль, можетъ быть, хотѣлъ бы ты,
Чтобъ небосводъ тебѣ дарилъ
Улыбку ласковыхъ свѣтилъ,
И улыбались бы цвѣты?..
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?

„Иль, можетъ быть, ты ждешь, что мать
И та, которой преданъ ты,
Придутъ въ печали утѣшать,
Разсѣютъ мрачныя мечты?“

— „Я жажду пуль, кровавыхъ встрѣчъ,
Хочу въ рукахъ держать я мечъ!“

Л. Уманецъ.

* * *

Когда-бъ я сталь, хотя на мигъ,
Весеннимъ нѣжнымъ вѣтеркомъ,
Къ твоимъ кудрямъ бы я приникъ,
Лобзалъ бы, вѣялъ бы кругомъ!

Когда-бъ я розой нѣжной былъ,
Взяла бы ты меня на грудь;
Я лепестки бы распустилъ,
Къ твоей бы груди могъ прильнуть...

Когда бы птичкой могъ я стать,
Къ тебѣ бы быстро, какъ мечта,
Я прилетѣлъ, чтобъ цѣловать
Тѣ щечки, шейку и уста...

Когда бы сталь я грезой сна,
Къ тебѣ-бъ пришелъ ночной порой,
Когда настанетъ тишина,—
И сердца отнял бы покой!

Скажи, тебѣ что сдѣлалъ я?
Чѣмъ эту муку заслужилъ,

Что такъ скорбитъ душа моя,
И нѣтъ конца... нѣтъ больше силъ?..

Какъ духъ, какъ сонъ, ты скрылась вновь...
Была вѣрна недолго ты!
Увяла такъ твоя любовь,
Какъ вянуть осенью цвѣты!..

Л. Уманецъ.

Весна

О, вѣтерокъ, какъ нѣженъ ты
Весенней свѣжестью своей!
Ты тихо вѣешь на цвѣты,
Играешь волнами кудрей...

Но ты не съ родины летишь,—
И сердца мнѣ не оживишь...

Я слышу пѣсни чудный звукъ;
То птичка въ зелени поетъ,
Чаруя рощу всю вокругъ,
Весны привѣтствуя приходъ...

Но ты не съ родины летишь,—
И сердца мнѣ не оживишь!..

Журча таинственный напѣвъ,
Среди долинъ бѣжитъ ручей;
Красу цвѣтовъ и взоры дѣвъ
Онъ отразитъ въ водѣ своей...

Но онъ не съ родины бѣжитъ,—
Онъ сердца мнѣ не оживитъ!

Когда бы съ родины моей
Орелъ иль вихрь свершалъ полетъ
Черезъ степь,—и мутень былъ ручей,
Какъ воды сонныя болотъ,—
Они напомнятъ край родной,—
И вновь воскресну я душой!..

Л. Уманецъ.

* * *

Вы не туда неситесь, пѣсни,
Гдѣ вѣчный носится эфиръ,
Гдѣ свѣта ясный лучъ сіяетъ,
Гдѣ вѣетъ волнами зефиръ...

Вы не туда неситесь, пѣсни,
Въ далекій, вѣчный небосводъ,
Откуда намъ лучи бросаетъ
Созвѣздій свѣтлый хороводъ...

Вы не туда неситесь, пѣсни,
Гдѣ блещутъ чудные цвѣты
Въ объятяхъ матери-природы,
Богатой, полной красоты...

Вы не туда неситесь, пѣсни,
Гдѣ эхо горъ безмолвно спитъ,
И только пѣсни раздаются
Въ весельѣ пляшущихъ сѣльфидъ...

Вы къ ней мои неситесь пѣсни,
Неситесь пѣсни прямо къ ней,

Къ ея очамъ прекраснымъ мчитесь:
Тѣ очи яркихъ звѣздъ свѣтлы!

И если приметъ благосклонно,
Какъ пѣсни птичекъ, нѣжный звукъ,
То вы лобзайте эту шейку
И мраморъ груди, мраморъ руки!

Весь день, всю ночь вы сладко пойте
Предъ ней мелодію свою,
И бесконечно повторяйте
Про страсть мою, любовь мою!

Напомнить ей, когда умру я,
И пылъ моихъ душевныхъ мукъ,
И страсть любви моей сердечной
Тѣхъ свѣтлыхъ пѣсенъ нѣжный звукъ!..

Л. Уманецъ.

Мы—братья

Есть въ мірѣ чудный звукъ... Изъ міровыхъ со-
звучій

Сильнѣе всѣхъ другихъ тотъ сладостный напѣвъ,
Когда звучатъ слова намъ милыхъ, юныхъ дѣвъ;
Напѣвъ тотъ радостный, могучій, страстный, жгу-
чій...

Но все жъ дороже намъ, отраднѣе звучатъ
Слова желанныя: „ты будь намъ другъ и братъ!“

Подай же руку мнѣ; мы снова будемъ братья...
Насъ ураганъ разбилъ, и въ разныхъ мы странахъ;
Однимъ лобзаніемъ разрушимъ мы во прахъ
Судьбы гоненія—и братскія объятія
Пусть міру цѣлому безмолвно подтвердятъ,
Что нѣтъ дороже словъ, какъ слово „другъ“
и „братъ“!

Когда Арменія, страна моя родная,
Узритъ своихъ сыновъ, сплоченныхъ въ кругъ
единъ,—

Забывъ тяжелый слѣдъ и горя, и кручинъ,
И сладкихъ слезъ росу на раны проливая,
Пойметъ, что намъ всего отраднѣе звучать
Слова завѣтныя: „ты будь намъ другъ и братъ“.

Мы вмѣстѣ плакали въ тяжелыя години...
Слились въ одинъ ручей потоки горькихъ слезъ...
Чтобъ смѣлый подвигъ нашъ обильный плодъ
принесъ,
Сольемъ же радости и слезы воедино!
Всего сердечнѣе, отраднѣе звучать
Слова завѣтныя: „ты будь намъ другъ и братъ!“

Чтобъ оживилась вновь Арменія родная,
Мы вмѣстѣ орошать должны ея поля,
И жатву чудную родная дастъ земля,
Мы къ небу вознесемъ ту жатву, восклицая:
„Всего дороже намъ, отраднѣе звучать
Слова завѣтныя: ты будь намъ другъ и братъ!“

Л. Уманецъ.

* * *

Ночной порою—сонъ, при свѣтѣ дня—тоска
Прекрасный образъ твой отъ взоровъ застилаетъ,
И тщетно цѣлый міръ, какъ аромать цвѣтка,
Благоуханіе прекрасной наполняетъ!

Взамѣнъ себя пришли цвѣтущихъ розъ букетъ,
Къ очамъ угаснувшимъ ихъ приложу, лобзая,
И самые шипы благословитъ поэтъ,
И будетъ ихъ лобзать, больную грудь пронзая!

Эльмисъ.

* * *

Всю душу я свою отдамъ тебѣ одной,—
Отдай свою мнѣ, дорогая!
Во тьмѣ души моей пусть ярко звѣздой
Твоя любовь взойдетъ, сіяя!
Пусть въ терніяхъ души, какъ роза въ лѣтній
зной,
Любовь цвѣтетъ, благоухая!

С. Головачевскій.

Петроєъ Туріанъ

Моя скорбь

Я не о томъ скорблю, что, въ жадѣ сновидѣній,
Источникъ думъ святыхъ изсякшимъ я нашелъ,
Что прежде времени мой нерасцвѣтшій геній
Сломился и поблекъ подъ гнетомъ тяжкихъ золь;

И не согрѣлъ никто горячимъ поцѣлуемъ
Ни блѣдныхъ устъ моихъ, ни блѣднаго чела;
И, счастья не познавъ, любовью не волнуемъ,
Смотрю,—ужь предо мной зяеетъ смерти мгла...

Я не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,—
Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
Не усладить мое послѣднее страданье,
Лучомъ своей любви не озаритъ меня...

Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, родинѣ несчастной—
Всѣ помыслы мои... О ней моя печаль!
Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!..

К. Бальмонтъ.

И твержу я себѣ: „Роковая пора наступила...
Приходи же, о смерть, и въ объятія меня заключи!
То, что я потерялъ, не вернуть ли съ собою могила?
Не воскреснуть ли тамъ—молодая погибшая сила,
И любовь, и цвѣты, и лучи?..“

О. Чюмина.

Озеро

Озеро, скажи,—что значить твой покой?
Волны вдругъ твои рѣзвиться перестали.
Въ зеркалѣ твоємъ, какъ будто бы изъ стали,
Дѣва заглядѣлась ли на образъ свой?

Волны ли твои плѣнились лазурью
Неба яснаго, иль пѣной облаковъ,
Нѣжной, какъ и та, что на хребтѣ валовъ
Носится порою въ дни утихшей бури?

Озеро, въ печали гордой ты молчишь...
Другомъ будь моимъ! Я, какъ и ты, тоскую.
Въ думы погруженный грустныя, люблю я,
Такъ же, какъ и ты, внимать, что шепчетъ тишь.
Сколько волнъ сѣдыхъ несется надъ тобою,
Столько-жъ мыслей рѣветъ надъ моимъ челомъ.
Столько въ сердцѣ муки горестномъ моемъ,
Сколько пѣны бѣлой на волнахъ прибоя!

Еслибъ въ твои волны до глубинъ, до дна
Мириады звѣздъ вмигъ небо посылало,—
Какъ моя душа, ты-бъ все же не пылало:
Пламенемъ такимъ объята вся она!

И не меркнуть звѣзды, и не увядаютъ
 Здѣсь цвѣты,—и тучки изъ высотъ своихъ
 Въ часъ, когда молчишь, и воздухъ чистый тихъ,
 Въ глубинѣ твоей таинственной не таютъ...
 Озеро, мой другъ! о, если ты порой
 Хмуришься подъ властью грозной дуновенья
 Вихрей злыхъ,—я знаю, что и въ мигъ смятенья
 Вѣрно ты хранишь печальный образъ мой.
 Ахъ, меня отвергли всѣ здѣсь въ этомъ мирѣ
 Говорятъ: „лежить на немъ несчастья гнетъ!“
 „Трепетень и блѣдень“. „Скоро онъ умретъ“.
 „Лишь бряцать умѣетъ онъ на скорбной лирѣ!“
 „Отчего сгораешь, грустенъ, молчаливъ“,—
 Говорить ли кто? „Ахъ, если бы онъ, бѣдный,
 Былъ когда любимъ—не умеръ бы безслѣдно...“
 Думаетъ ли кто: „Онъ, можетъ быть, красивъ!“
 И никто не скажетъ добрыми устами:
 „Въ душу скорбную его я загляну,
 Все прочту въ ней“. О, не книгу лишь одну
 Въ ней увидятъ, а пылающее пламя!..
 Пыль воспоминанья о былыхъ годахъ...
 Озеро, вздыми ты волнъ гряды грознѣе!
 Въ зеркало твое гляжу дрожа, нѣмѣя,
 Безнадежно я,—съ отчаяньемъ въ глазахъ!!

И. Гриневская.

СѢ

Еслибъ розы вешней
Цвѣтъ не могъ напомнить
Щечки дѣвы нѣжной,—
Кто любилъ бы розу?

Еслибъ съ синимъ небомъ
Не могли поспорить
Голубые глазки,—
Кто-бъ взглянулъ на небо?

Не была бы дѣва
Такъ чиста, прекрасна,—
Гдѣ прочло бы сердце
О небесномъ Богѣ?

Юрій Веселовскій.

* * *

Поэта завѣтную грезу
Она воплощала собою;
Любуясь ея красотою,
Смущенно я подаль ей розу.

И, розу мою принимая,
Она улыбнулась несмѣло,
И тутъ же, смутясь, покраснѣла,
Глаза предо мной опуская...

И выразить я не умѣю,
Но мнѣ утаить невозможно,
Какою казалась ничтожной
Мнѣ роза моя передъ нею!

И даръ мой смиренный,—могу я
Дать клятву торжественно въ этомъ,—
Не стоилъ того поцѣлуя,
Что былъ на него мнѣ отвѣтомъ!..

О. Чюмина.

Моя смерть

Коль смертный часъ придетъ, и ангелъ, смерть
вѣща,
Съ улыбкой вѣчности и крылья опустивъ,
Предстанетъ предо мной, и, муки забывая,
Я унесусь *туда*,—то знайте всѣ: я живъ!

Коль блѣдная свѣча, бросая свѣтъ печальный,
Холодное лицо лучами озаривъ,
Напомнитъ вамъ, друзья, что часъ насталъ про-
щальный,—
То знайте, знайте всѣ, что я не умеръ, живъ!

И если въ горести, мучительно рыдая,
Могильнымъ саваномъ мой хладный прахъ обвивъ,
Опустите во гробъ, слезами обливая,—
То вѣрьте, вѣрьте всѣ, что я не умеръ, живъ!

И если зазвучитъ надгробный звонъ унылый
(Нещадной смерти смѣхъ, такъ мраченъ—и игривъ!)
И понесутъ мой прахъ,—предъ вырытой могилой
Вы вспомните, друзья, что я не умеръ, живъ!

И если скорбные пѣвцы святого храма
Печально запюютъ свой сумрачный мотивъ,
И вознесутся вверхъ куренья оиміама,—
То знайте, знайте всѣ, что я не умеръ, живъ!

И если, надъ моей зарытою могилой
Надгробный черный крестъ печально водрузивъ,
Друзья мои уйдутъ,—то въ этотъ мигъ унылый
Вы знайте, знайте всѣ, что я не умеръ, живъ!

Коль буду я лежать, невѣдомый для свѣта,
И память обо мнѣ исчезнетъ безъ слѣда,
Когда забудутъ всѣ угасшаго поэта,—
То знайте, знайте всѣ: я умеръ навсегда!

Л. Уманецъ.

А. Чобаньянъ

Сказка

Всевышній взялъ росы душистой,
Съ лучомъ небесъ соединилъ
И искру молніи огнистой
Въ сліянье это заронилъ.

Онъ взялъ частицу молчаливой,
Живой гармоніи планетъ,
Багряный блескъ зари стыдливой,
Зефира сладостный привѣтъ.

Онъ взялъ цвѣтовъ благоуханье
И мощный взмахъ волны морской
И бросилъ все въ свое созданье
Своею творческой рукой.

И животворное дыханье
Вдохнулъ Господь въ него потомъ,
Но раньше чувство состраданья
Съ безуміемъ онъ создалъ въ немъ.

Помазалъ Богъ его слезою
И нѣгой окропилъ его,—

И вотъ воздушною мечтою
Родилось крошка-существо.
 Оно, какъ бабочка, порхало,
 Благоухало, какъ цвѣтокъ,
 Оно дыханіемъ ласкало,—
 Но это не былъ вѣтерокъ.
Оно, какъ ангель, лучезарно,
То—неземное существо,
Какъ демонъ тьмы, оно коварно,—
И „поцѣлуй“ зовутъ его.

С. Головачевскій.

* * *

Надъ утомившейся землею
Ночь разсыпаетъ чары сна.
Садись со мной, моя голубка,
Ночная мгла намъ не страшна.

Поля одѣты черной дымкой,
Ни звѣздъ на небѣ, ни луны,
Не слышно птицъ,—и говоръ вѣтра
Не нарушаетъ тишины.

Забудь о томъ, что будетъ завтра,
Что намъ вчерашній день принесъ,
Забудь о всѣхъ минутахъ горя,
Заботъ, усталости и слезъ!

Пускай разсыплется на плечи
Густыхъ кудрей твоихъ волна,
И въ сердце чуткое проникнетъ
Волшебной ночи тишина!

А мнѣ позволь, къ тебѣ прижавшись,
Мое земное божество,
Внимать, какъ музыкѣ небесной,
Біенью сердца твоего!

Н. Новичъ *).

*) Изъ журнала «Кавказскій Вѣстникъ», 1901 г., май.

* * *

Небо скрылось въ туманѣ отъ насъ;
Льется влажная грусть съ вышины;
Слабый лучъ въ моемъ сердцѣ погасъ.
Давятъ грудь безотрадныя сны...

Льется влажная грусть съ вышины;
Стонутъ вѣтеръ и дождь, какъ больной;
Давятъ грудь безотрадныя сны.
Я грущу надъ разбитой мечтой...

Стонутъ вѣтеръ и дождь, какъ больной;
Ледяная несется струя;
Я грущу надъ разбитой мечтой.
Меня горе сосетъ, какъ змѣя...

Ледяная несется струя:
Это шествуетъ смерть въ вышинѣ!..
Меня горе сосетъ, какъ змѣя,—
И могилу сулитъ оно мнѣ!..

Юрій Веселовскій.

В. Малезьянъ

Роковыя примѣты

Подъ сѣнью ласковой въ объятіяхъ любви
Вчера насъ счастье нежданно опьянило.
„Мы навсегда сольемъ въ одно сердца свои!“
„О, никогда досель такъ сердце не любило!“

Но видѣлъ робкій взоръ, какъ быстрая звѣзда,
На небесахъ блеснувъ, сіянье угасила,
И я, затрепетавъ, потупилъ взоръ тогда.
„Въ тѣхъ звѣздахъ дышитъ жизнь?“ она меня
спросила.

Я розу нѣжную держалъ въ рукѣ своей...
Она осыпалась... и лепестки живые
Она собрала вновь, но бурный вихрь полей
Далеко ихъ разнесъ съ безуміемъ стихій.

Любили нѣжно мы,—но надъ любовью той
Примѣты странныя глумились беспощадно,
Мнѣ руку обожгла ты горькою слезой...
Увы... какъ первое сомнѣнье безотрадно!

Эльмсъ.

Ночникъ

(Сонетъ)

Ужъ полночь! Теплится лампада надо мной,
И багрянитъ струей кровавою молчанье,
Трепещетъ призраковъ въ предсмертной мукѣ рой,
Невѣрный снопъ лучей—унылое мерцанье!..

Лампада нѣжная не знаетъ ночью сна,
Печально бодрствуя, какъ ласковое око,
Взирая въ очи тѣхъ, кого душа больна,
Кто въ потолокъ вперилъ свой взоръ въ тоскѣ
глубокой.

Ей внятенъ сердца стонъ, ей внятенъ каждый
вдохъ,
И ложе блѣдный лучъ ея едва ласкаетъ,
Когда передъ зарей свѣтильня догораетъ!

Въ часы страданія, въ часы моихъ тревогъ
Она такъ странно мнѣ близка, что я, мечтая,
Въ ней душу узнаю твою, о мать родная!

Элизъ.

Г-жа Сибиль

Облако

Я съ облачкомъ свѣтлымъ мечтою живу
Тамъ, въ мірѣ луны серебристой,
Разорванной грезой на землю плыву,
Слезой окропленный лучистой!

Ты меркнешь подъ грубымъ напоромъ вѣтровъ,
Развѣялось, гаснешь уныло;
Земля же для жителей горныхъ міровъ,
Для жаркаго сердца—могила...

А тамъ, въ безучастной всегда вышинѣ,
Вновь солнце въ эфирѣ играетъ,
И ужась, и грезы таитъ въ тишинѣ
И новыя тучки ласкаетъ.

Какъ свѣтлое облачко въ небѣ бродя,
И сердце отъ жажды сгораетъ,
Какъ облачко свѣтлыя капли дождя,
Горячія слезы роняетъ!

Эльмисъ.

Идеалъ

То—солнца яркій лучъ, затмившій свѣтъ луны,
То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющій съ разсвѣтомъ,
То—молнія на мигъ пришедшей къ намъ весны,
Цвѣтокъ, роняющій свой вѣнчикъ знойнымъ лѣ-
томъ.

То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющій съ раз-
свѣтомъ,
То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
Цвѣтокъ, роняющій свой вѣнчикъ знойнымъ
лѣтомъ,
Сіянье сѣвера въ лазурныхъ небесахъ.

То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
Сіянье сѣвера въ лазурныхъ небесахъ,
То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами.

То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшій пухъ съ
высотъ,

Оглавление

(Переводы, отмеченные звездочкою, сделаны специально для настоящего издания.)

	Стр.
«Нѣсколько словъ о новой армянской поэзіи», вступительный очеркъ <i>Ю. Веселовскаго</i>	5
Рафаэль Патканьянъ.	
«Слезы Аракса», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	25
«Армянская дѣвушка», пер. <i>Д. Пагирова</i>	30
«И теперь намъ молчать?!», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	32
«Художникъ», пер. <i>Л. Уманца</i>	35
«Новое поколѣніе мушкетевъ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	37
* «Передъ изображеніемъ Богоматери», пер. <i>Элиса</i>	39
* «Армянская кровь», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	41
«Желаніе армянъ», пер. <i>Л. Уманца</i>	43
«Одна изъ тысячи», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	45
«Долина цвѣтовъ» (народное преданіе), пер. <i>В. Шуфа</i>	48
* «Тѣмъ, кто меня не любитъ», пер. <i>С. Головачевскаго</i>	51
* «Адресъ султану отъ лица 36-ти эфенди-измѣнниковъ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	53
Сибать Шахъ-Азизъ.	
Изъ поэмы «Скорбь Леона»:	
а) Прощаніе Леона со своей возлюбленной, пер. <i>С. Головачевскаго</i>	55
в) Скитанія и грустныя думы Леона, пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	58
с) Параллель между армянками 19-го и 5-го вѣка, пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	61

	<i>Стр.</i>
«Итальянки и итальянцы», пер. <i>Л. Уманца</i>	68
«Сонъ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	71
«Повѣсть любви», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	72
«Лякуйте! я видѣлъ», пер. <i>И. Гриневской</i>	74
«Таинственная ночь», пер. <i>О. Чюминой</i>	75
«Аштаракъ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	78
«Гибель любви», пер. <i>Л. Уманца</i>	80
«Мое сердце объято тоской», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	82
«Духъ-скиталецъ», пер. <i>С. Головачевскаго</i>	85
Георгъ Додохьянъ.	
* «Ласточка», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	86
Ованнесъ Ованнисянъ.	
«Умолкли навсегда время былыхъ народы», пер. <i>И. Бальмонта</i>	88
«Моя душа, печально замирая...», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	90
* «Зернышко», пер. <i>И. Бьлусова</i>	91
«Смерть война», пер. <i>Л. Уманца</i>	92
«Не оставляй, пѣвецъ, отзывчивую лиру», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	93
«Два поцѣлуя», пер. <i>Л. Уманца</i>	94
* «Весна», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	95
Леонъ Мануэльянъ.	
* «Поэту», пер. <i>О. Чюминой</i>	96
* «Таинственная ночь», пер. <i>С. Головачевскаго</i>	97
* «Какъ мощный, бурный вихрь», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	98
Александръ Цатуріанъ.	
«Ручей», пер. <i>И. Бальмонта</i>	99
«Печальная повѣсть», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	100
«Могучія пѣсни», пер. <i>Л. Уманца</i>	102
«Пѣсня и металлъ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	104
«Въ ея альбомѣ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	105
«Не я пою...», пер. <i>Л. Уманца</i>	106
«Двѣ ночи», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	108
«Поэту», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	110

Леренцъ.

«Арменія», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	112
«Печальная звѣзда», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	113
«Да, милая, теперь мы счастливы съ тобой», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	115
Отрывокъ изъ поэмы «Крестьянинъ», пер. <i>Л. Уманца</i>	116
«Не пытайтесь узнать...», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	118
«Я безъ слезъ неутѣшно и горько рыдалъ», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	122
«Ихъ судьба», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	124

Ованнесъ Туманьянъ.

«Ахтамаръ», пер. <i>Н. Бальмонта</i>	125
«Двѣ тучки», пер. <i>Иванъ-да-Марья</i>	129
* «Лампада Григорія Просвѣтителя», пер. <i>Элиса</i>	130
«Съ горныхъ высей...», пер. <i>Н. Бальмонта</i>	132
«Передъ картиной Айвазовскаго», пер. <i>Иванъ-да-Марья</i>	133
«Когда въ послѣдній мигъ...», пер. <i>Л. Уманца</i>	134

Левъ Исаякьянъ.

* «Моя душа объята тьмой полночной», пер. <i>М. Бунина</i>	135
* «На крылахъ орлиныхъ...», пер. <i>Элиса</i>	136
* «Была душа моя мрачна», пер. <i>Элиса</i>	137
* «Пахарь» пер. <i>И. Бьлюсова</i>	138
* «Зима», пер. <i>С. Головачевскаго</i>	139
* «Туманъ распростеръ свои крылья», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	140
* «Ночной порою сонъ...», пер. <i>Элиса</i>	141
* «Всю душу я свою отдамъ тебѣ одной», пер. <i>С. Головачевскаго</i>	142

Гев. Алишанъ.

* «Хразданъ», пер. <i>Л. Уманца</i>	143
* Отрывокъ изъ поэмы «Аварайрскій соловей», пер. <i>Ю. Веселовскаго</i>	145

Сер. Гекимьянъ.

* «Красота», пер. <i>О. Чюминой</i>	147
* «Какъ волны грозныя...», пер. <i>И. Гриневской</i>	149

Хоренъ Наръ-Бей.

- * «Первые ростки», пер. *С. Головачевского* 150

Мирлячъ Бешикташлянъ.

- «Зейтунскій армянинъ», пер. *Л. Уманца* 153
 «Когда бъ я сталь, хотя на мигъ», пер. *Л. Уманца* 155
 «Весна» пер. *Л. Уманца* 157
 «Вы не туда неситесь, гѣсни», пер. *Л. Уманца* 159
 «Мы-братья», пер. *Л. Уманца* 161

Петросъ Турянъ.

- «Моя скорбь», пер. *И. Бальмонта* 163
 «Говорятъ мнѣ...», пер. *О. Чюминой* 164
 * «Озеро», пер. *И. Гриневской* 166
 «Ей», пер. *Ю. Веселовскаго* 168
 «Поэта завѣтную грезу...», пер. *О. Чюминой* 169
 «Моя смерть», пер. *Л. Уманца* 170

Аршакъ Чобаньянъ.

- * «Сказка», пер. *С. Головачевского* 172
 * «Надъ утомившейся землею», пер. *Н. Новича* 174
 * «Небо скрылось въ туманѣ отъ насъ...», пер. *Ю. Веселовскаго* 175

Малезьянъ.

- * «Роковыя примѣты», пер. *Элиса* 176
 * «Ночникъ», пер. *Элиса* 177

Сибиль.

- * «Облако», пер. *Элиса* 178
 * «Идеаль», пер. *С. Головачевского* 179

